— Диплом инженера получили? Теперь окунайтесь в работу!

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА

КРОКОДИЛ

Мы, нижеподписавшиеся, крадучись подбирались к Ольховскому хлебоприемному пункту. Было жарко. Казалось, что жару поддал не только Цельсий, но также Реомюр и Фаренгейт. За месяц в этих районах не выпало с небес и маковой росинки! Мы крались не просто так, а проверяя сохранность хлеба насущного на хлебоприемных пунктах. Вот почему была создана целая рейдовая бригада с раздутием штатов до пяти вил.

Первоочередным объектом не случайно был выбран Ольховский ХПП Ворошиловградской области, что примостился у одноименной станции. Ибо именно отсюда поступил первый тревожный сигнал. Один наблюдательный путник писал в редакцию «Крокодила»:

«Подъезжая к сией станции и глядя в окно вагона, я заметил пикантное явление природы. При сорока градусах в тени, на виду у абсолютного большинства честных граждан, через забор хлебопункта перепрыгнула темная личность. Таща куль с зернопродуктом, она вразвалку побежала к станции. И если так каждый день, а в мешке — килограммов двадцать, то представляете себе, сколько можно упереть за год? Позор!..»

Вполне разделяя гражданский гнев заявителя, мы тем не менее решили временно стать на путь преступления. А именно: в заданных условиях (днем, не стесняясь, по жаре) подкрасться к данному ХПП и похитить оттуда хотя бы триста граммов каких-либо злаков. После жеребьевки ваш спецкор, поправляя съезжавшие с мокрого носа очки, полез через белый забор хлебопункта. Это замкнутый каменный прямоугольник, где находятся: склады с крепостными амбразурами; избушка на курьих ножках — контора; лаборатория, смахивающая на каморку алхимика, а также сушилки, погрузчики и автовесы в форме заглавного «П».

Еще рывок, и я со своим целлофановым пакетиком был бы у склада, как вдруг из буквы «П» донесся вкрадчивый голос:

— Осторожней, Саша, не спугни. Может, уговорим...

Попятившись, я ощутил под левой лопаткой дуло ружья довольно крупного калибра.

— Не стоящее дело, Василий Михалыч,— человечьим голосом прогудел владелец калибра.— Жидковат он, слабосилен...

Выплывший из «П» директор В. М. Гилев плотоядно осмотрел меня:

— А вдруг отгуляется на свежем воздухе, отъестся? Ведем-ка его в контору...

С ужасом прислушиваясь к каннибальскому разговору, я все-таки еще надеялся, что директор одумается: позвонит по телефону в милицию. Увы, этого не произошло, ибо, как выяснилось, до милиции с ХПП дозвониться почти невозможно...

Спасибо, выручать меня легально пришли остальные члены рейдовой бригады. Узнав, кто мы, директор был отчасти разочарован, хотя опять окинул нас алчным взглядом. Мы же спросили: возможен ли случай, описанный заявителем или нет?

— Ничего невозможного на этом свете нет,— философски выразился директор.— Вот как вы думаете, что такое собака как таковая?

Мы высказались, что собака — друг человека. Кто-то вспомнил, как будет собака по-латыни... Директор меланхолично качал головой и уныло повторял:

— На наших хлебоприемных пунктах собака в первую голову является управленческим персоналом!

Директорская грусть-тоска объяснялась тем, что, будучи причислен к административному аппарату, собачий штат подвергся сокращению. Вот и охраняй хлеб без этого самого верного и не пьющего стража, работающего в четыре смены! Разумеется, остались сторожа-люди, не менее преданные делу, и в целом украсть хлеб довольно трудно. Хотя при таком маломощном сторожевом штате и возможно.

— Но разве только в этом проблема? — сказал Василий Михайлович.— Хлеб, я имею в виду булки, батоны и калачи, начинается с дороги.

Мы пошли к складу, где томились остатки прошлогодней ржи, которые да-а-авно следовало вывезти, чтобы освободить емкости для нового урожая. Заявку дали, накладные оплатили, а Донецкая дорога задерживает вагоны.

— Вы их не очень пропесочивайте,— вздохнул директор,— вы уедете в скором купированном, а нас они малой скоростью замучают, в пульманах. А вот про Южную дорогу отметьте: нехай они лучше обеспечивают Белокуракинский элеватор, Троицкий ХПП, Солидарнинский... Но опять-таки и не в этом суть всей проблемы.

Действительно, если бы только затруднения по линиям МПС были типичны для хлебоприемных пунктов страны! Эти важнейшие зерновые форпосты годами выстаивают на административных папертях с протянутой рукой. Нужно, допустим, срочно чинить шоссейные подъезды к Ольховскому ХПП. Кто, вы думаете, будет чинить, если нет на то средств? Будут чинить дорогу (здесь и в других пунктах) сами же работники ХПП так называемым хозяйственным способом. Хотя это прямой долг районных и областных дорожных организаций...

Пока шла беседа с директором, народный контролер тов. Фастов обследовал техническую оснащенность. В числе прочего выяснилось: Министерство заготовок старается, чтобы хлебопункты шагали вровень с веком. Это прекрасно. Но Министерство автомобильной промышленности значительно его обгоняет. Есть на хлебопункте, допустим, автопогрузчик ПГ-11. Оценить облегчение, которое он когда-то принес рабочим, может только тот, кто персонально ссыпал зерно с машины, орудуя лопатой. Но сейчас-то в моде уже двадцатипятитонные грузовики-гиганты! А для них ПГ-11 устарел... Короче, проблема сохранности хлеба обрастала новыми гранями, и одной из самых острых оказывалась слабая техническая оснащенность хлебоприемных пунктов.

«Нет подшипников, цепей, труб для проводки,— записывали мы.— Трудности с кабелем, нет машин для уборки территории...» Да, вот где, увы, зияли основные пробоины в хлебном трюме. Эх, если бы дело было только в мелком воровстве! Да ведь кустарщина, маломощность приносят больше вреда, чем любая воровская шайка!

А кадровые вопросы?..

Здесь Василий Михайлович снова как-то мечтательно посмотрел на нас и даже пощупал мускулы моей руки. Не хотелось ему, видно, расставаться с нами... Но все же директор посоветовал нам поехать на более мощный ХПП. Для большей объективности, как сказал директор, и отыскания других граней проблемы...

Сентяновский ХПП, расположенный в ста двадцати километрах от Ольховки, действительно оказался мощней Ольховского. По прекрасно асфальтированному двору инспекторским шагом двигался к складам начальник всея заготовок Ворошиловградской области тов. Лисицын, сопровождаемый директором ХПП тов. Матвиевским.

— Мы не возражаем против проверок! — трубным голосом загремел тов. Лисицын, увидев нас.— Наоборот: пишите! Здесь люди построили сушилку, сами делают аэрожелоба для активной вентиляции зерна. Но все это делается кустарно, в порядке самодеятельности. А помощь откуда?

«Помощь» была не то из Молдавии, не то из Закарпатья в образе энергичных молодцов, лихо месивших цемент на одном из складов. Конечно, их можно было назвать шабашниками, но, что поделать, только своим персоналом те же аэрожелоба не осилить. Где мощная подрядно-строительная специализированная организация, идущая в ногу с передовой научной мыслью?

— Нельзя жить по старинке,— подвел итог другой член нашей бригады, электрослесарь С. П. Сушненко.— Люди сами силятся подпрыгнуть до уровня прогресса. Они возвели зерноочистительную башню, соединили ее галереями со складом, сообразили, что технически правильно будет загружать вагоны через верхние люки... А вы видели, что творится в лаборатории?..

В лаборатории было тихо, чисто и грустно, как в приемном покое. В углу стоял уникальный прибор для определения качества клейковины в зерне. Прибор действительно уникален: он тоже сделан хозспособом по схемам здешнего умельца и, кажется, потихоньку внедряется в других пунктах. Но ведь это от бедности! Точнее, от того, что научная мысль, бьющая из недр «НИИзерно», до сих пор, например, не смогла механизировать взятие проб из грузовиков.

Хотя на раскаленном дворе ХПП бил фонтан страстей, так сказать, на научные темы, в этом фонтане, увы, не исчезла другая, уже знакомая нам проблема — кадровая. Работники ХПП как бы между прочим интересовались, не надоел ли нам душный город и не советуют ли нам врачи перебраться куда-либо поближе к сельхозпенатам. Мы безо всяких обиняков ответили, что поступать на Сентяновский ХПП не собираемся, хотя и понимаем, как ему нужны люди. И мы отправились на Одесщину.

Интервью в Одессе дал Лука Данилович Николаенко, начальник управления хлебопродуктов. Он тоже жаловался на слабую техническую оснащенность.

— Но не все так мрачно,— сказал Лука Данилович.— Вы поезжайте на Кубань и посмотрите новейший элеватор...

И мы отбыли к Холмскому элеватору, что расположен в Абинском районе. Скорее это было урбанистическое нагромождение небоскребов, вонзавшихся в белесое от жары кубанское небо. Да и внутри ничто не напоминало какое-либо сельхозучреждение. Это было все что угодно: рубка космического корабля, атомная лаборатория, передовой завод, но никак не привычная серая башня, сиротливо притулившаяся к запасным путям полустанка.

Директор Григорий Сергеевич Мигеров с гордостью водил нас по башням, сушилкам и сверкающим цехам. Зелено-красными роботовыми глазищами кровожадно мигала лаборатория «Марс», хотя она всего лишь навсего мирно регистрировала температуры в каждом модерновом сусеке этих сверхсовременных закромов. Глядя на все эти чудеса, член нашей бригады, водитель тов. Бригадир заметил, что если в других областях хлебоприемные пункты пока в лучшем случае идут в ногу с темпами уборки (из-за слабой технической оснащенности), то здесь, наоборот, колосс-элеватор бежит далеко впереди.

— График! Я сам шофер, знаю. Если не будет четкого графика уборка — транспортировка — элеваторная переработка, то ежегодно будем терять все большее и большее количество хлеба. Вот чем должны вплотную заняться ученые!

После обеда директор элеватора отозвал журналиста в сторону и тоже без обиняков предложил:

— Работать ко мне пойдете? У меня, как и везде, нехватка кадров. Я и домик построю и скотиной помогу обзавестись.

— А харч? — деловито спросил журналист, вспомнив прежние заигрывания хлебоначальников.— Отходы для скотины будете давать?

— Нет,— мрачно сознался директор.— Отходами я вас стимулировать не смогу. Раньше это было легко и просто, а теперь извольте кланяться товаропроводящей сети. Вот и не задерживаются люди... Ну, если работать не приедете, то хоть этот вопрос о стимулах провентилируйте, где следует... Договорились?

Мы пообещали «провентилировать» и выполняем обещание этим репортажем, в котором нам хотелось подчеркнуть, что из всех приемных пунктов сейчас самый главный — хлебный.

Рейдовая бригада «Крокодила»: А. И. Бородин, гл. инженер ХПП, А. И. Бригадир, шофер, Вл. Митин, журналист, С. П. Сушненко, электрослесарь, Д. И. Фастов, председатель группы народного контроля.

Ворошиловградская область — Одесса — Краснодарский край.

— Граждане пассажиры! Рейс задерживается на неопределенное время, строительство гостиницы — тоже.

Рисунок **Г. АНДРИАНОВА**

Александр ФЕДОРОВ

ЖЕРТВА МОЛВЫ

Девчонка, всем казавшаяся
скромной,
За фирменным ореховым столом
Сидела у директора в приемной,
Работая его секретарем.
И как-то раз какой-то посетитель,
Мигнув соседу, произнес: «Не зря
Директор посадил в свою обитель
Такую прелесть, скромно говоря».
А кто-то вздернул ушки
на макушку
И, реплику по-своему поняв,
Девчонку взял немедленно
«на мушку»,
Какой-то тете что-то передав.

И вот уже девчонка не девчонка:
«Любовница! С директором живет!
Но делается это очень тонко,
И потому жена не узнает!»
На свете люди всякие бывают:
Одни, услышав новость, промолчат,
Другие, раструбить ее желая,
К очередям скучающим спешат.
Дань отдавая модным магазинам,
В одной из длинных тех очередей
Сказала тетя: «Вот и верь
мужчинам,
Коль сам директор наш —
прелюбодей!»
«Какой директор!» — вспыхнула
другая.
«Да Мудролобов Алексей Кузьмич.
Завел девчонку — стройная такая.
Жена узнает — хватит паралич!»
«Мой Алексей!!
За что мне жизнь сгубили!
Да я его в бараний рог скручу!
Связь с секретаршей!
Часто вместе были!
Ну, я мерзавца нынче проучу!»
Прошла неделя. Милая девчушка
Исчезла из приемной Кузьмича —
Ее сменила дряхлая старушка,
Что ходит, еле ноги волоча.
И все ж нашелся «чуткий»
посетитель,
Шепнул: «Влюблен в вас Алексей
Кузьмич».
Но то был слишком сильный
возбудитель —
Разбил старушку тяжкий паралич.

Владимир ПОЛЯКОВ

Рассказ

ТАИНСТВЕННЫЙ ГОЛОС

Вот вы можете не поверить, но если бы это не со мной случилось, я бы и сам не поверил. А история прямо грустная. Заболел я две недели назад. Иду я после получки домой и вдруг явственно слышу, кто-то говорит: «Ты у Петрова десятку в долг брал? До какого числа? До пятого, а сегодня пятнадцатое! Извинись и отдай».

Жалко отдавать. А этот настырный голос повторяет: отдай да отдай.

Ну, пошел я к Петрову и отдал. И еще даже извинился.

Прихожу домой. Жена открывает. Хочу пройти в квартиру, и вдруг этот же самый голос мне говорит:

«А ты с женой поздоровался?»

«Нет».

«Поздоровайся».

Чего-то мне неохота. Не привык. Но все-таки говорю: «Здравствуй».

А голос зудит: «Разве так с женой здороваются? Ты ей скажи: «Здравствуй, моя дорогая».

Я и слов-то таких никогда не выговаривал.

А голос свое: «Скажи, надо».

Ну, раз надо, говорю:

— Здравствуй, моя дорогая.

Она смотрит на меня, как на ненормального. А голос подначивает: «Поцелуй ее».

Еще чего! Пять лет не целовал и вдруг — нате. Не буду.

А он говорит: «Поцелуй и поцелуй».

Не пойму, как я это сделал, но поцеловал.

Жена говорит:

— Ты что, пьяный, что ли?

А я трезвый как стеклышко.

Жена ужин собирает. Только я снял пиджак, собрался за стол садиться, голос говорит: «Пойди, купи супруге цветочек. На углу, — говорит,— ромашки продают, двадцать копеек букетик».

Ну, думаю, это уж ни за что! За двадцать две копейки пачку «Беломора» купить можно!

Голос не унимается: «Поди купи».

Что вы думаете? Пошел и купил.

Приношу.

Это,— говорю,— Нюша, тебе.

Жена — в обморок. Еле привел в чувство. Хорошо, в доме нашатырь был. Успокоил ее, поужинали, только собрался спать — голос:

«Помой посуду. Жена готовила, а ты хоть с посудой помоги ей».

Чувствую, что он не отвяжется, пошел на кухню, вымыл посуду. Жена говорит:

— Ты мне скажи, может, ты тяжело болен? Может, у тебя какие мозговые явления?

Я говорю:

— Нет, вроде все нормально.

Но сам чувствую, что ненормально.

Лег спать. Завтра, думаю, выходной, высплюсь. А в восемь утра что-то как дернуло! И опять этот приставучий: «Пойди, погуляй с сынишкой, а то он забыл, что у него есть отец».

Что вы думаете? Пошел погулять с сыном. Даже обещал ему свести после обеда в зоопарк. И, можете не поверить, свел. Даже на пони его катал.

Пришли домой, жена говорит:

— Ты все-таки завтра сходи в поликлинику. Я, — говорит, — всю ночь из-за тебя не спала.

В понедельник пришел на работу почему-то на пятнадцать минут раньше. Зав. отделом увидел меня, говорит:

— Ты что?

— А что?

— Да так, вообще.

После работы пошел в поликлинику. Все рассказал начистоту. Врач, такой интеллигентный человек, осмотрел меня, выстукал, послал на рентген, прописал анализ мочи и говорит:

— Это в вас проснулся голос совести. Тут медицина бессильна. Но вы,— говорит,— не волнуйтесь, с этим можно жить.

А как жить, когда голос только и делает, что со мной разговаривает. Я теперь даже на дом работу беру. Вот до чего дело дошло.

Обратился к одному зубному врачу в нашем доме, он знакомых по системе йогов лечит. Выслушал он меня, оглядел всего во всех подробностях и говорит:

— Попробуйте перестроить дыхание, расслабьтесь, вообразите себя облачком и стойте на голове.

Показал, как дышать. Дышу носом. Наполовину получается. Плыву я по синему небу и вдруг слышу внутри облачка знакомый голос: «Запишись на курсы по повышению квалификации».

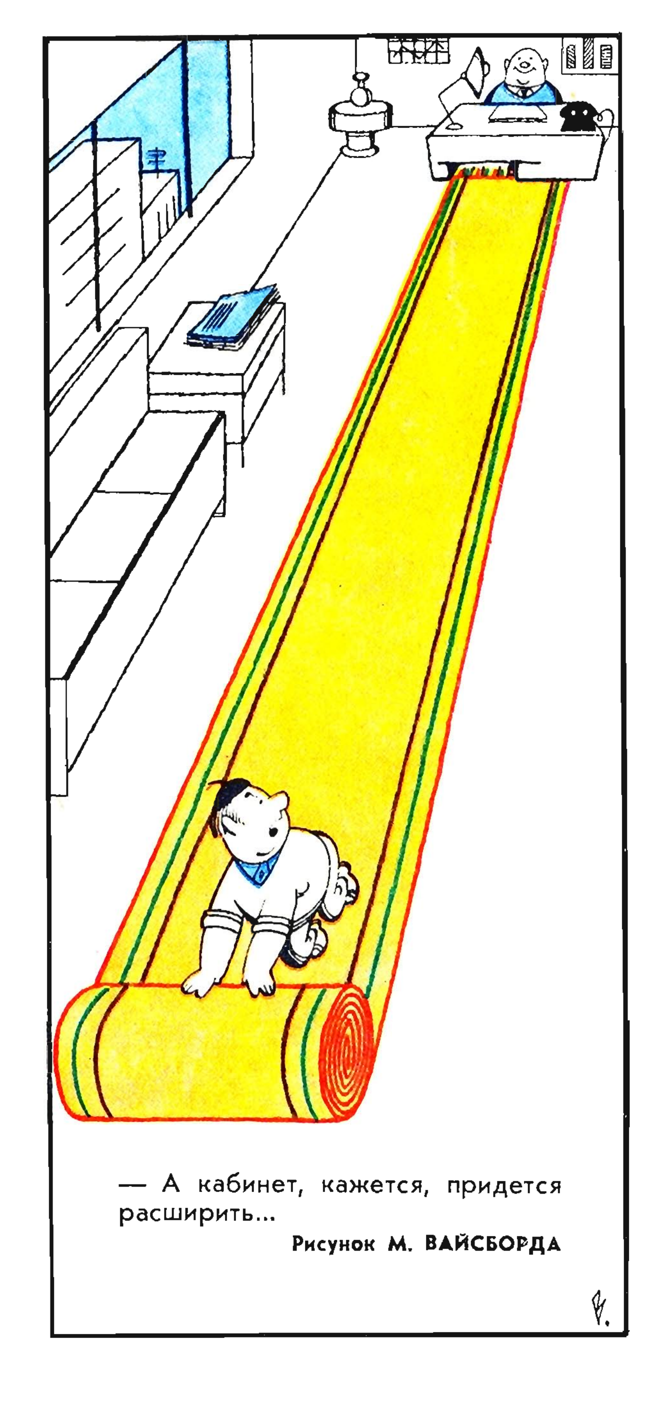
Спустился я с неба и пошел записываться. Записался, вернулся домой. Что же это, думаю, делается? Мало того, что я на работе по семь часов вкалываю, так теперь еще два раза в неделю по четыре часа учиться буду. Как быть?

И встал на голову.

Стою на голове и слышу проклятый голос: «Сведи жену в кино, она у тебя полгода ни в кино, ни в театре не была».

Встал я с головы на ноги, пошел на последние два рубля купил билеты. Даже на четвертинку не осталось.

Граждане! Что делать? Как унять этот голос, чтобы он не просыпался?

— А кабинет, кажется, придется расширить...

Рисунок М. ВАЙСБОРДА

ЛОВЛЯ ПАПОЧЕК

Рисунок В. ЖАРИНОВА

Р. КИРЕЕВ, специальный корреспондент Крокодила

За бортом — Атлантика

1. ПОД ФЛАГОМ «ПАПА»

Пароход назывался «Остров Атласова» и отходил семнадцатого апреля — вот все, что знал я, летя в Калининград.

И сразу же отступление, имеющее тайную цель продемонстрировать моему сухопутному читателю морскую компетенцию автора. Резануло слух вам, сухопутный читатель, старое доброе слово «пароход» — откуда оно, дескать, в морском репортаже 1972 года? Снисходительно посмеиваясь, я гордо распрямляю обветренную атлантическими ветрами грудь и объясняю с неторопливостью, что всюду — на плавбазе ли, на траулере или на танкере,— всюду моряк фамильярно и ласково зовет родное судно «пароходом». И я туда же. Оттого — не транспортный рефрижератор «Остров Атласова», а пароход.

Итак, я летел в рыбацкий город Калининград, зная о предстоящем мне почти двухмесячном плавании столько же, сколько знаете о нем сейчас вы, читатель: название судна и день отхода. Дополнительные сведения касались главным образом морской болезни. Выходя из самолета, я стянул на всякий случай несколько, извините за натурализм, гигиенических пакетов.

— Отход завтра в девять утра? — вспорхнув по трапу, спросил я вахтенного матроса.

— Почему завтра? — спросил вахтенный матрос. Он был любознателен и учтив.

— Но так намечали. Семнадцатого апреля, девять ноль-ноль.

— А,— сказал вахтенный матрос.— Вы, наверное, в первый раз?

Он был не только любознателен и учтив, но и прозорлив тоже.

— А что? — ощетинился я. Любят старые морские волки порезвиться над молодняком-салагами...

— Ничего,— миролюбиво ответил вахтенный.— Вам, наверное, чиф нужен? Ну, старпом...

Опять прозорливость.

Церемонно поблагодарив, я прошел внутрь, прямой и негнущийся, как изваяние: ведь мне предстояло встретиться с чифом.

За огромным столом восседал некто в темных очках. Звучала музыка Бетховена. Человек не замечал меня. Перед ним стоял стакан с ромом.

Я кашлянул, и Бетховен умолк. Чиф отхлебнул рома.

— Я к вашим услугам.— Он поднялся.— Что будем проверять?

Банальное недоразумение: меня приняли за кого-то другого...

— Так вы не инспектор?! — воскликнул старпом, и знаете, какое отдохновение прозвучало в его голосе! — Пожалуйста, садитесь. Вы устали с дороги, я налью вам чаю. Байховый индийский две трети и одна треть цейлонского. Прекрасно тонизирует. Все утро работала санитарная инспекция, она изнурила меня, но стакан чаю,— он кивнул на «ром»,— и я опять в форме. Зрею для следующей инспекции. Чай тонизирует, музыка успокаивает. Не возражаете, если с нами побудет Бетховен? — И он снова включил радиолу.

Чиф. Старший помощник. Первый заместитель капитана на судне. Человек, для которого линия «Ленинград—Лондон» есть домашнее плавание, поскольку он ходил по ней еще два с лишним десятилетия назад. Меломан. Искушеннейший знаток чая. Ценитель Боратынского и Анны Ахматовой. Геннадий Иванович Шашков.

Я не знал в те первые минуты, чем был обязан его дружелюбию, но теперь это не составляет для меня тайны. Я был посторонний человек на борту, посторонний сухопутный человек, и в то же время не инспектировал, не наставлял, не грозил, не требовал, не поучал и даже, что уж совсем странно, не рассуждал о тонкостях судоводительского искусства — очень нечастый случай в практике рыболовного флота!

Пожарная, санитарная, главного капитана, службы безопасности — инспекции, инспекции, инспекции... На третий день по прибытии в порт судно проверяется скрупулезно от киля до антенн локаторов, от форштевня до кормы. Составляется документ. Затем механическая часть проверяется механической службой базы. Составляется документ. Затем та же механическая часть проверяется службой главного капитана. Составляется документ. Затем... Но буду лаконичен: именно в эти дни наиболее скудеют в судовой аптечке запасы валидола и прочих успокоительных средств.

— Упростите отход,— взывает плавсостав,— сделайте одну комплексную инспекцию, или один инспекционный комплекс, или что-нибудь еще, но разрушьте ради бога нынешнюю систему отхода в рейс: она громоздка, неуклюжа, бюрократична, несовременна,— разрушьте ее и создайте что-нибудь попроще!

Так просит плавсостав, но плавсостав плавает, раз в два месяца бывает он на берегу, раз в четыре месяца, раз в полгода — и глохнет его слабый голос в мощном шторме береговых циркуляров.

И вот уже пожарный в сиреневом берете заместо каски отрывает чифа Шашкова от его Бетховена, прочно берет за душу противопожарными пальцами и вещает страшным голосом:

— Или положь мне вот сюда брезентовые чехлы для фонарей, или в рейс не выйдешь.

А где взять старпому брезентовые чехлы для фонарей, коли не обеспечили ими береговые службы? В море выткать?

— Нету чехлов,— бормочет чиф и заискивающе моргает глазами — покоритель стихий, человек, для которого линия «Ленинград—Лондон» есть домашнее плавание.— А вот омаровая клешня есть,— прибавляет он просто так, потому что надо же прибавить что-то. И потом что это, скажите, за чиф, если нет в его служебном холодильнике отварной свежезамороженной клешни омара или рулета из скумбрии, например?

Завязывается, видите, разговор с тонкостями, присутствовать при котором корреспондент считает для себя наглостью. Забившись в любезно отведенную ему каюту, наблюдает он бурлящую вокруг жизнь через незадраенный иллюминатор.

Так проходит шестнадцатое апреля и наступает семнадцатое, девять утра — торжественный час отхода, и проходит семнадцатое. и наступает восемнадцатое, а мы все у пирса...

Но вот уже плещется под моросящим дождем бело-синее полотнище. Неграмотный, я не знал тогда, что это флаг «папа», флаг отхода, и читается он так: «Все должны быть на борту, судно снимается».

А многомощные портовые краны все пичкают и пичкают грузы в ненасытные трюмы нашего парохода. Взрываются звонки, резкие, как сирена: вахтенного штурмана — к трапу!

— Где почта?!

Ее должны доставить на борт, но взмок и загрустил под дождем флаг «папа», и уже зеленеет, приближаясь, наряд пограничников, а почты все нет. Неотложно заняты береговые люди важными своими делами...

— Посторонним покинуть борт судна!

— Где почта?!

Посторонние — это женщины. В море уходят их мужчины.

— Почта где?!

Взмокший, как флаг «папа», первый помощник капитана сплачивает добровольцев для доставки бумажных мешков с письмами. В тропическом заливе у берегов Мексики ждут их рыбаки, и на банке Джорджес, и у полуострова Лабрадор... Вы не знаете, сухопутный мой читатель, как ждут там писем. Вы не знаете этого, и, стало быть, вы вполне достойны служить в 35-м почтовом отделении Калининграда, что обслуживает порт.

Два оглушительных звонка — и разом смолкают разговоры вокруг, и флаг «папа» принимает положение «смирно». Капитан всходит на борт. Обветренный, как скалы. Прошедший все воды Мирового океана — от земли Королевы Мод до Северного Ледовитого. Капитан-директор Мельник. Кэп Мельник. Мастер Мельник.

Я малодушно прячусь в тень шлюпки. И тут меня ласково берут под руки две миловидные женщины.

— Вы знаете, куда вы идете? — спрашивает одна из них и делает недобрые глаза.— В стихию!

— На банке Джорджес туманы! — прибавляет другая.

— На севере большой Ньюфаундлендской банки айсберги.

— Короче, мы из Госстраха. Про «Титаника» слыхали?

Я гордо покидаю тень шлюпки.

— Наш корабль,— говорю я,— ведет капитан Мельник.— И агенты Госстраха растворяются в моросящем дожде, пристыженные.

«Счастливого плавания!» — летит снизу, с земли, с той стороны государственной границы, в которую превратился наш трап.

И вот уже никого посторонних на борту—лишь лоцман Перепеляк, который выведет нас в Балтийское море. Рядом с «папа» взвивается красно-белое полотнище флага «Лоцман на борту».

Буксирные катерки оттаскивают нас от причала, а вслед тянется металлическая рука подъемного крана с забытым второпях ящиком.

Палуба вибрирует — начался многосуточный дуэт двух главных двигателей, что равны по мощности 12 тысячам русских битюгов. Первая остановка — тропики, Мексиканский залив.

Протяжный гудок. «Остров Атласова» говорит: «До свидания!»

2. ДОРОГА НА ОКЕАН

На завтрак был кефир, по бутылке на брата — тонкий ход шеф-повара Акима Васильевича. Измаянный проводами экипаж выпил кефир залпом. Вздох облегчения прошелестел по судну. Начался первый рабочий день.

Четыре салажонка числилось на борту — камбузник Стасик, два радиста-практиканта — все трое семнадцатилетние, свободные, романтически настроенные, четвертым же был самый великовозрастный салага западного бассейна — ваш корреспондент. Не это ли обстоятельство заставило Стасика великодушно принять меня под свою опеку? Когда мимо шло иностранное судно, он честно барабанил в мой иллюминатор. Я выскакивал на палубу, на ходу напяливая очки. Мы глазели на пароход, затем разворачивали трепещущую на ветру таблицу и квалифицированно определяли, какому государству и какой компании принадлежит судно. Радисты-практиканты, невозмутимые, утомленные жизнью, взирали на нас с легкой иронией: камбузник и журналист позорили славное племя салаг.

Но все же первым моим наставником в морском деле был матрос Толя .—..|— — —|—..|..—|—.|— — —|—.—.|. Таким невнятным для меня образом была начертана его фамилия на тетрадке с конспектами мореходки, которую он принес мне.

— Может, пригодится?

Я открыл страницу, где была законспектирована азбука Морзе и, благодарный, расшифровал: «Лобанок». Толя Лобанок. Оседал и кренился и уже готов был рухнуть созданный моим воображением суровый образ морского человека.

— Ну, давайте знакомиться,— сказал первый помощник капитана. На судах эту должность именуют лаконичнее и точнее — комиссар.

— Киреев.— И, видя перед собой ровесника, прибавил:— Руслан.

— Лукьянчук,— представился комиссар. И прибавил:— Геннадий Степанович.

Этика моря: только так, по имени-отчеству...

Пригласив на мостик и вручив мне мощный морской бинокль, комиссар обрушил на меня Копенгаген. Но пароход жался к правому берегу, где шведский город Хельсинборг выставил, как дозорных, разукрашенные цистерны топливных компаний. Из иностранного государства Дании читаются на шведском берегу названия конкурирующих фирм.

Пароход жался к правому берегу — не оттого ли, что там, на правом берегу, было место его рождения? На судоверфи Линдхольмен в Гётеборге получили жизнь несколько близнецов, названных именами русских островов — от острова Русский до острова Медный. Позже мы встречались с ними. Острова в океане...

Крестная мать «Атласова» Тилли Эннерот ходила где-то там, по шведской земле. 16 сентября 1970 года г-жа Тилли Эннерот, очаровательная супруга директора судостроительной фирмы, кокнула о форштевень бутылку шампанского. Под звуки советского гимна махина водоизмещением более 15 тысяч тонн поползла вниз.

Шесть рейсов сделал с тех пор «Остров Атласова». Нынешний седьмой...

А между тем мы вышли из пролива Зунд в пролив Каттегат, и овеялся пролив Каттегат запахом свежеиспеченного хлеба. Чудодействовал штатный пекарь Скок. Вам не понять, какой аромат распространяется вокруг, когда чудодействует штатный пекарь Скок. Дельфины подплывают к борту.

— Ничего? — Комиссар Лукьянчук посмотрел на меня пытливыми глазами.— Не это самое? — Он произвел рукой интернациональное движение.

Я вспомнил о гигиенических пакетах.

— Нормально! — браво ответил я.

— Хорошо,— похвалил комиссар.— Но скоро выйдем в океан.

— Там шторм? — догадался я.

— Не шторм. Но океан всегда дышит.

Я изобразил понимание. Был полдень, произошла смена вахт, горячий запах свежеиспеченного хлеба звал обедать. Вместе со сменившимся третьим штурманом Виноградовым спускаюсь в кают-компанию.

Виноградов забегает к себе переодеться. Деликатен со своей формой плавсостав — это вам не береговой человек, который может позволить себе роскошь не расставаться с формой. Износится одна — закажет в спецателье новую. А плавсостав жмется. Столько разного надо втиснуть в десять дней стоянки на берегу, что на добропорядочную очередь в ателье не остается времени.

Со смаком упиваюсь продукцией штатного пекаря. Штурман Виноградов не упивается. Спешит штурман Виноградов, хотя грамотен и знает: пережевывать пищу надо тщательно. Но куда, спросите вы, спешить человеку, у которого впереди целых восемь часов отдыха — до следующей вахты? Берег и об этом позаботился. Великодушно вручает берег третьему штурману перед отходом судна кипу бумаг, из которых явствует, что изменилось на сегодняшний день в водных просторах. Там зажегся новый маяк, здесь обнаружилась мель. Специальное бюро в Калининграде могло бы централизованно вносить в судовые карты и лоции все изменения, но как тогда, скажите, организовать досуг третьего штурмана? Отдых, утверждают специалисты, должен быть активным.

Обед завершен. Грамотные чайки с требовательным криком атакуют корму.

— Ну-ну, не жадничать,— совестит их буфетчица Ольга Федоровна и выплескивает за борт ведро фасолевого супа. Чайки пикируют, выбирая мясо.

Северное море. За сутки пробежав его, вплотную подходим к настежь распахнутым воротам в океан — Ла-Маншу. Далеко и невнятно ползет берег Англии. Когда теперь увидим мы сушу?

Завтра — океан.

Рисунки Е. ШУКАЕВА

3. ОКЕАНСКИЕ БУДНИ

Он дышал. Он дышал глубоко и ровно, и мы со Стасиком, а также оба практиканта-радиста вытягивались на койках.

Благодатнейшим материалом для беспощадного флотского остроумия ощущал я себя. Когда, как не теперь, проявиться зубастому морскому характеру? Ну что ж, я готов...

В дверь постучали. Донкерман Филиппов, хозяин емкостей на судне, положил на стол лимон.

— Вот завалялся. У меня кислотность повышенная.

Потом заглянул комиссар Лукьянчук с двумя бутылками кефира и сообщением о том, что адмирал Нельсон страдал морской болезнью. За ним пришел матрос Матвеев — просто поговорить, потому что, когда просто говоришь, забываешь о дыхании океана.

А после была ночь, и я учился спать, плавно перекатываясь в постели.

Полуторанедельные океанские будни... Привычное московское время оставалось далеко за кормой, в запад всверливались мы, час за часом отводя назад судовые стрелки. Двадцать пять часов в сутки, но ничего, будем возвращаться — двадцать три будет, и есть в этом, согласитесь, высшая справедливость: разве не торопишь время, когда спешишь домой?

Не берет приемник Москву, но живет в Калининграде редактор областной рыбацкой газеты Хрусталев, не считающий себя вправе оставить без информации ушедших в море подписчиков. Трижды в неделю вывешиваются на щите «Хрусталевки», и все — здесь: от визитов в страну высоких гостей до хроники спорта. Несчастливая для меня тридцать пятая параллель — первый в сезоне проигрыш «Зари».

Как жизнь, прошли слева Азорские острова. Праздник для уставших от воды глаз...

Все выше солнце, все короче тень, и уже не тепла жаждет озябший за зиму северный человек, а прохлады, но дед, самый прижимистый человек на судне, не включает кондиционеры. Вы хотите знать этимологические корни слова «дед»... Издалека явилось оно к нам, с тех темных времен, когда лишь к старости дослуживался человек до стармеха. Ныне отчаянно помолодели «деды», но не поубавилось в них ни дотошности, ни скупердяйства.

Конкурируя с отечественным кино, врывается на борт американское телевидение. В судовой столовой царствует на экране Наталья Варлей, а параллельным курсом идет в красном уголке фильм про ковбоев. Дикий Запад, но каждые десять минут прерия вытесняется крупно показанной зубной пастой. Лучшая, лучшая, лучшая в мире зубная паста!!! Наш зритель не привык к такому обращению. Наш зритель подымается и уныло бредет смотреть на отважную кавказскую пленницу, которая вот уже столько лет мужественно выходит в море.

Товарищ Каплер! Не тревожьте зрителей «Кинопанорамы» просьбами отыскать пропавшие старые ленты. Они не пропали — в море они...

Самолет береговой охраны, яркий, как елочная игрушка, делает над нами низкий, но вежливый круг. Уходит... А еще в прошлом рейсе хулиганила береговая охрана, пикируя на палубу. Антициклон, что зародился в Москве, определяет нынче погоду в Атлантике.

Под фешенебельным Майами, штат Флорида, родилась у матроса Стеблины дочь. «Чернобровая»,— отстукали в радиограмме, и молчаливо восхитился экипаж, заметив вдруг, какие прекрасные брови у Бориса Стеблины. Стемнело. Многооконно вспыхнули небоскребы, загорелась, замигала вдоль всего побережья разноцветная неоновая реклама — не показалась ли она матросу Стеблине фейерверком в честь новорожденной?

И еще один новорожденный — Гольфстрим, старый мой знакомец, из-за которого «неуд» по географии схватил я в шестом классе. Родившись где-то здесь, рвется он на север, мы же — на юг, врезаясь в него, и оттого тормозит он нас и подло отнимает у нас три кровных наших узла.

«Дед», помучившись наедине, включает-таки кондиционеры; полсотни градусов на палубе, в каютах же — умеренный климат средней полосы. Березой пахнет. Еще бы водички, из колодца, но довольствуйся дистиллатом, морской человек,— безвкусной, как вакуум, жидкостью. Мощные опреснители снабжены мощными минерализаторами — работай они, не отличишь воду от колодезной, но молчат минерализаторы: нет для них продуктов питания, солей. Что же вы, товарищи химики? Или не кушаете вы уху из палтуса?

— В одиннадцать часов двадцать три минуты пересекли северный тропик,— объявляет по радио вахтенный штурман Виноградов.

Куба слева, и значит, там, на едва различимой отсюда земле, не вышедший в рейс член нашего экипажа. Тридцатого октября прошлого года, будучи в гостях на стоявшем в порту Гаваны «Острове Атласова», навсегда зачислен он в команду. Фидель Кастро Рус его имя.

Удивительные существа снуют по палубе: в тропическую форму одет экипаж. Подальше от парохода держатся чайки — таков внешний вид данной одежды. На подсолнечные плантации бы ее... Но не думайте плохо о Министерстве рыбного хозяйства! Зайдите в министерство, и образец тропической формы продемонстрируют вам. Изящно, удобно, недорого. Вот разве что матрос незнаком с этим образцом: не заходит матрос в министерство.

Стремительная, без сумерек тропическая ночь. Звезды, но палуба сыра, словно ливень прошел — высчитывайте сами процент влажности.

К полуострову Юкатан спешит «Остров Атласова». Сомбреро замелькали на экране судового телевизора — Мексика.

— «Персей», «Персей»,— говорит в эфир штурман Кузнецов,— ответьте «Острову Атласова». «Персей»!

Знаменитая «собачья вахта» второго штурмана — час Летучего Голландца, время кораблекрушений. Выключен авторулевой—мой добрый знакомый Толя .—..I———I—...I.—I————I—.— стоит у штурвала.

— «Персей», «Персей», ну где вы там, «Персей», отвечайте «Острову Атласова». Пеленжок дайте. Вы слышите меня, «Персей»? Кто слышит меня?

Молчит «Персей» — флагман судов, работающих в Мексиканском заливе. Молчат суда. Тиха украинская ночь...

Не спит капитан. Подымается на мостик задолго до начала вахты чиф со стаканом чая в руке. Фосфорится океан. Тяжелые ночные птицы пролетают над нами.

— «Персей», «Персей»...

И вдруг ликующе:

— «Персей» говорит! «Остров Атласова», это вы? Слава богу, дождались! С подходом вас, «Остров Атласова»...

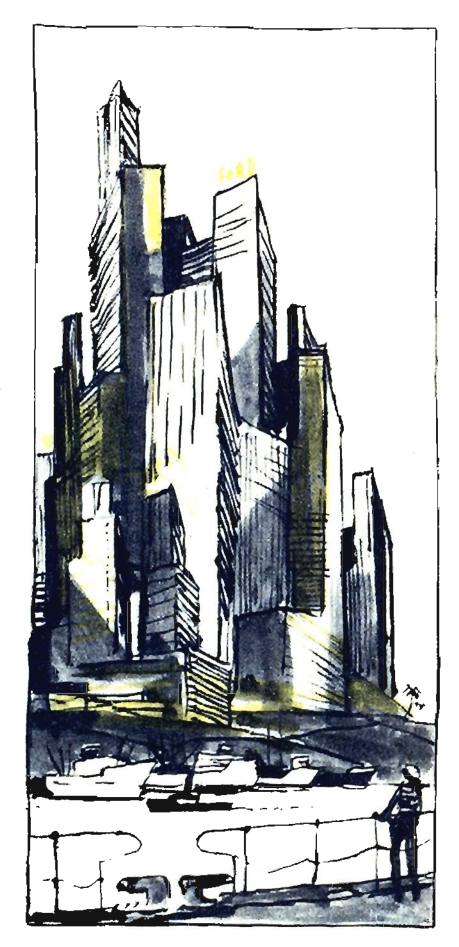
Радость встречи, только чиф невозмутим, потому что разве чиф может быть возмутимым — пусть даже он меломан и ценитель Анны Ахматовой.

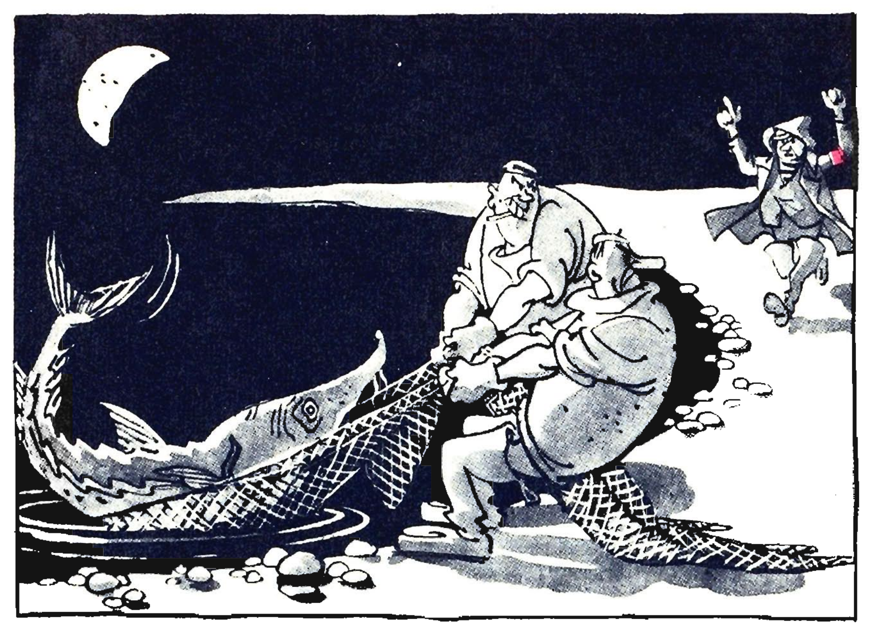
— Боцман, на бак! — приказывает он, отхлебнув чая.— Приготовиться к отдаче якоря.

«Вот и все,— думаю я.— Финиш».

Но это был старт.

(Продолжение следует).

— Все будет в порядке, даю голову на отсечение! . . . . Рисунок Л. САМОЙЛОВА

Доверительные строки

Новосибирская область, Каргатский р-н, Б-ву В., автору таких строчек:

«Где ты паришь, моя звездочка, не затеряйся вдали, в добрый путь, одногодочка, раз, два, три, раз, два, три».

Таких стихов бравурных в нашей почте и не счесть. Нам от них, товарищ, дурно, три, четыре, пять, шесть, три, четыре, пять, шесть...

Оренбургская обл., Тоцкий р-н, Р-ву В.

«Какие причины побудили Вас отклонить мои сатирические стихи от издания их в журнале?»

Так сложились обстоятельства.

г. Пенза, Д-ну И.

«Меня интересует, как шлифуются стихи, когда одни строчки получаются длиннее других, если подтирка резинкой не помогает».

Попробуйте употребить для шлифовки стихов наждачную бумагу.

Улыбнись, читатель!

Уважаемая редакция!

Я прочитал рассказ В. Полякова «Метаморфоза», опубликованный в «Крокодиле» № 32 за 1971 год.

Приходилось встречать людей, которые любят похвастать количеством выпитого спиртного или «победами» на амурном фронте. Но чтобы окружающие восхищались деградированными пьяницами, называли их «многогранной разносторонней личностью со своим неповторимым лицом», а Нины Ивановны дарили развратникам, разложившим семьи, гладиолусы и «лишние» билетики в кино — такого в жизни не видал.

В. ДАВЫДОВ.

г. Куйбышев.

Уважаемый товарищ Давыдов!

Да, писатель В. Поляков изобразил некое учреждение, заполненное нетипичными типами. Когда они узнали, что новый сослуживец — скромный человек, примерный семьянин и даже не имеет никакого хобби, они его запрезирали. Когда же новый сослуживец начал вдохновенно врать о своих амурных похождениях, выпивках и прочем, его сразу назвали оригинальной личностью.

Желая показать мещан, которые рады превознести человека не самого лучшего поведения, писатель явно перегнул палку. Сколько мы ни искали прототипов его рассказа, увы, не нашли. Нет таких!

Поэтому в рассказ вносится поправка: «Я пришел в новое учреждение и заявил: люблю только жену, не пью, хобби не имею, аккуратно плачу взносы. Все крикнули «Ура!», меня качали. Потом поместили мой портрет на доску почета. Навечно».

Вот теперь получилось и поучительно, и смешно, и оригинально, не правда ли?

Реплика фельетонисту

Дорогая редакция!

По-моему, фельетон Евгения Дубровина «Алло! Вы меня слышите? Это я, грабитель Филин!» в № 3 «Крокодила» очень своевременен.

Я работаю помощником заведующего складом готовой продукции на Белоцерковском крупозаводе Киевского облуправления хлебопродуктов. Мне приходится принимать на склад от завода гречневую крупу, расфасованную в мешки, и отгружать ее вагонами во многие пункты нашей страны. Эти вагоны никто от нас не принимает, и никто в дороге не отвечает за них. И довольно часто к нам поступают коммерческие акты на якобы допущенный нами недогруз. Парадокс в том, что на складе установлен строгий контроль, а коммерческие акты, как правило, подписывают представители железной дороги, на которой контроль отсутствует.

Тем не менее администрация завода считает коммерческие акты неопровержимыми документами и передает дело в суд на удержание со складских работников сумм, указанных в актах. И администрация делает это, будучи абсолютно уверенной в нашей невиновности. Просто потому, что больше не с кого спросить.

И не удивительно, что за восемь лет у нас сменилось тридцать человек. Я и мои товарищи (нас пятеро) также собираемся уходить с работы. Работать под страхом уплаты за «недогруз» никому не хочется.

Я думаю, что ответственность за груз должен нести не только отправитель, но и железная дорога. Иначе государство будет по-прежнему нести убытки от «грабителя Филина» и по-прежнему будут страдать невинные люди.

Я. СЕМЕНОВ.

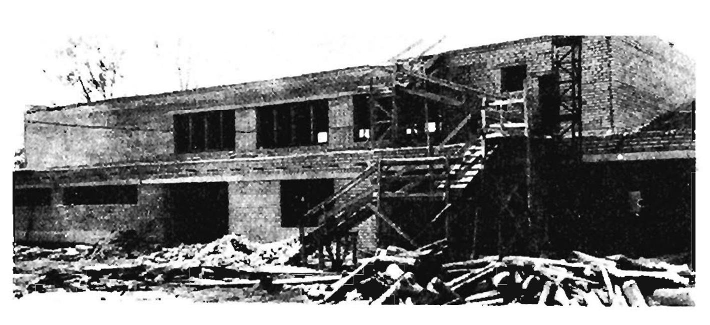
г. Белая Церковь, Киевской области.

Кстати говоря

Уважаемые коллеги!

Прочитав в девятом номере вашего журнала приглашение участвовать в конкурсе по затяжному строительству, решил, что он не может обойтись без наших районных строителей. Конечно, на приоритет они не рассчитывают, по крайней мере сейчас, но уж на призовые места надеются без сомнения.

Представляю объект, выдвигаемый на соискание приза. Это Дом культуры, который возводится в нашем поселке Сонково. Празднование семилетнего юбилея строительства гарантировано, хотя и не исключено, что строителям из Сонковского хозрасчетного участка, входившего недавно в Бежецкое строительное управление, а ныне преобразуемого в передвижную мехколонну, придется отмечать этот юбилей на развалинах, ибо «коробка» здания начинает разрушаться и входить в нее уже опасно.

В. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ,
фоторепортер районной газеты «Знамя Ильича».

Пос. Сонково, Калининской области.

КРОКОДИЛ ПОМОГ

«ТАЙНА ПРОСТАЯ, КАК ОГУРЕЦ»

Едва начинается весна, как в Мурманск бурным потоком устремляются спекулянты ранними огурцами и прочими овощами. Спекуляция расцвела на мурманском рынке таким пышным цветом, что милиция не успевает расследовать дела. В чем же тайна этого явления? Тайна, как о том свидетельствовал одноименный фельетон Ю. Борина, напечатанный в № 13 за этот год, оказалась простой, как огурец: неповоротливость государственной и кооперативной торговли.

Фельетон обсуждался на заседании исполкома Мурманского городского Совета депутатов трудящихся. Горисполком запретил руководителям ресторанов и кафе принимать продукцию по рыночным ценам от частных лиц, если нет документов о том, что овощи выращены на личных приусадебных участках. Исполком обязал руководителей торгующих организаций лучше проводить закупку ранних овощей в южных районах страны.

Крокодил с удовлетворением принимает к сведению информацию заместителя начальника Мурманского областного управления торговли А. Семенова о том, что первая очередь тепличного комбината под Мурманском введена наконец в строй, а к концу нынешнего года будет сдана и вторая очередь. Можно надеяться, что мурманчане теперь станут получать к столу ранние овощи без посредства спекулянтов.

ТЕПЕРЬ МОЖНО ГУЛЯТЬ...

В заметке, опубликованной в журнале № 13, шла речь о захламленности и антисанитарном состоянии поселка Усть-Бюр, Красноярского края.

Как сообщает председатель Усть-Абаканского райисполкома тов. И. Бублик, принимаются срочные меры по благоустройству села. Отремонтировано 5 мостов, 9 колодцев, приведены в порядок улицы и проезды, вывезен мусор, высажено 6 тысяч саженцев, исправлена воздушная электролиния.

БЕЗ ОСЕЧКИ

Хотя эта книга называется «Дуплет солью», ее автор, ярославский поэт Михаил Глазков, ведет сатирический огонь не из ветхой прадедушкиной двустволки, а из вполне серьезного оружия. В арсенале автора — стихотворный памфлет крупного калибра, картечь эпиграмм, скорострельные побасенки и миниатюры, дальнобойный фельетон...

Вполне современны и мишени, выбираемые сатириком. Обывательское равнодушие, межведомственные распри, «новинки» очковтирательства, помехи и огрехи внедрения НОТ на сельской ниве, пьянчуга в крымском санатории, которому «прописали» пятнадцать суток...

А чтоб не блекли прежние загары,
Метет он под конвоем тротуары.

Более ста коллег М. Глазкова по поэзии — и маститых и молодых — найдут в книге пародии на свои стихи; некоторые из этих пародий публиковались в нашем журнале.

Похвально, что Верхне-Волжское издательство с неподдельным радушием привечает новинки сатирической публицистики: «Дуплет солью» издан немалым тиражом, в остроумном и живом оформлении Диодора Циновского.

ПОД УГЛОМ 40°

А. ХОДАНОВ

ОРДИНАРНЫЙ СЛУЧАЙ

(Исповедь отдыхающего, пожелавшего остаться неизвестным)

Прибыл я, дорогие граждане, в солнечную Ялту на отдых, а оказался на улице с метлой в руках. Голова моя обрита наголо, жаркие солнечные лучи донимают меня нещадно, а впереди еще четырнадцать суток напряженного труда на ниве городского мусора.

Как вы, очевидно, поняли мой намек, пребываю я сейчас в Ялте по приговору народного суда за мелкое хулиганство в нетрезвом виде, хотя одновременно числюсь в очередном отпуске. Заплывать бы мне в море за бакен, загорать бы на дефицитном лежаке, погрузив пятки в золотой песок,— так нет же!..

От скуки все и произошло. Пообедал я в день прибытия в своем санатории и оцепенел от тоски. Массовик куда-то запропал, радиола перегорела, читальный зал на замке, в клубе — кинофильм с бородой. Ни игр, ни экскурсий, ни прочих развлечений. И пошел я тогда к морю. Проветриться, дельфинов посмотреть. Вышел на самое красивое и посещаемое место — на центральную набережную. Остановился возле буфета от ресторана «Украина», где торгуют марочными, креплеными, сухими и ординарными винами. Так просто остановился, случайно. Вижу, народ прикладывается, ну и я решил. Взял наугад ординарного, и очень оно мне понравилось.

Хотел выйти на улицу — ан уперся во второй буфет (оба они под одной крышей и общей вывеской «Кафе»). Выхода нет — пришлось снова. Взял крепленого. Это похуже. Горькое.

Выбрался на улицу — наткнулся на пивной бар. Запил горечь кружкой пива, пошел дальше. Глядь, а на пути еще буфет. Уже от ресторана «Ореанда». Попробовал обойти — не вышло. Расплатился, выхожу — и оказываюсь у нового павильона, от той же «Ореанды». Повернулся, чтобы к морю выйти, а вошел в павильон № 434. Даже засмеялся — так неожиданно все получилось. Пригубил из каждой бочки и двинулся к морю. Но оказался перед киоском без всяких опознавательных знаков.

Вышел из киоска и уже прибой слышу, а ноги меня прямо в павильон «Березка» несут. «Ординарного!» — говорю. «А у нас ремонт,— отвечают,— для вашего же удобства, в современном стиле!» И показывают на буфет, который рядом с дегустационным залом. Заглянул в буфет...

Потом пришел немного в себя, поднялся, двинулся к морю, но оказался в павильоне «Прозрачном» № 297. А выпив, подумал: чего же я еще не пробовал?

И только подумал, как сразу же и читаю: «Шампанское—коньяк». Вроде шпаргалки, значит. Воспользовался подсказкой, зашел. А когда вышел, поперек пути новый павильон. «Мороженое—воды». И решил я остроумно пошутить. «Дайте,— говорю,— воды. Душа просит». Смеются граждане, поняли шутку, на вино показывают: «Вот она, вода, другой не держим — море рядом».

Рядом, однако, оказался новый павильон — «Советское шампанское». Зашел. Вышел к павильону «Напитки». Выпил напитков — и к морю, то есть в буфет «Глициния».

Только поставил пустой стакан, вижу — бочка с вином. Только поставил пустой стакан — еще бочка. Только поставил пустой стакан — третья бочка... Нет, думаю, Костик, бежать надо. Сопьешься. Побежал. Одолел стометровку за какие-то полтора часа и оказался в скверике на углу Боткинской и Пушкинской улиц. Ну, тут-то, решил, никто меня не найдет! Можно подремать в тени куста, укрыв лицо в траве, дорогу к морю уточнить.

И тут вдруг заметил я, что стою возле четвертой бочки. И не просто стою, а уже с пустым стаканом. Бросился я от бочки прочь — на пятую налетел... Метнулся в сторону — опять бочка. На этот раз с квасом. Только смотрю: бочка закрыта, и никого при ней нет. А есть рядом буфет «Незабудка». Нет, сказал я себе, пошел в противоположную сторону, но вышел к киоску № 283. Отступать, как видно, было некуда...

«Пора в санаторий»,— решил я, закусив карамелькой, и угодил в бочку. Прямо то есть вовнутрь. Не успел я захлебнуться, как стоящие вокруг граждане объяснили, что это «Ларек № 21», который в виде бочки задуман.

Не знаю, как вы, а лично я пить умею, норму свою знаю, и поэтому павильон «Ласточка», стоявший поперек моего дальнейшего пути, решительно обошел и, зайдя в «Мороженое—соки—сухие вина», потребовал соку.

— Нету,— удивился продавец, наполняя стакан ординарным.— Гм... соку!.. У нас в Ялте настоящие мужчины!

Уж не помню, как очутился я в районе морского порта. Помню только, как мелькали злачные названия и булькало вино в стаканах. «Буфет от ресторана «Южный» № 3 зимний», «Буфет от ресторана «Южный» летний», «Буфет «Парус», просто «Буфет»...

Помнится, очутился я в районе центрального колхозного рынка, где упорно интересовался у граждан, как пройти к морю. Выяснилось, что путь к морю пролегал через ларек № 233, ларек № 242, ларек № 252, ларек колхоза имени Суворова, ларек колхоза «Черноморец», ларек колхоза «Россия», через «Сосисочную», украшенную бутылками, но не сосисками, через ларек № 9, павильон № 402 «Пиво—вино—квас» с пивом и вином, без кваса и т. д и т. п.

...Очнулся я на деревянных нарах. В камеру вошел милиционер и начал перекличку...

Теперь я мету, не поднимая глаз, ибо стоит их только поднять, как взгляд упирается в павильон, буфет, ларек или бочку — основу современного ялтинского пейзажа. И если вы спросите меня, в чем моя вина, ей-ей, я не найду, что ответить. Зато я точно знаю, кто виноват в том, что я оказался в таком плачевном положении. А виноват во всем Ялтинский горисполком, ввергнувший меня, страдающего от санаторной скуки, в паутину винно-водочной торговли.

ПОСЛЕДНЯЯ КАПЛЯ

Рисунок П. ГЕЙВАНДОВА

Александр СОБОЛЕВ

Солнце сияло по-летнему,
возница был,
в общем-то, трезвый,
быть может, как раз
поэтому
бежали лошади резво.

Но ноздри дрожали
встревоженно,
и это совсем не случайно:
вот она — придорожная,
эта самая
чайная.

Двери настежь
распахнуты,
в окнах мутные блики,
и вовсе не чайные запахи,
и вовсе не песни,
а крики.

Кто-то орал,
как ошпаренный,
о том, что
«деревья гнулись»...
Возница нырнул
в это марево,
а лошади переглянулись,
и следом шагнули
к чайной,
и у раскрытой двери
разом заржал,
отчаянно,
как о большой потере.

Словно в оцепенении,
будто от грома разящего,
замерло на мгновение
сборище это гудящее.

Но вдруг раскатилось
смехом,
кто-то хрипел,
как в припадке:
— Экая, братцы, потеха
Вам поднести, лошадки!..

Тихо по мордам потным
слезы катились —
горошины.
Как люди, вздыхали
животные,
пьяные ржали,
как лошади...

— Где здесь выписывают больничные листы?

Рисунок Бор. ЕФИМОВА

Э. ПОЛЯНСКИЙ,
специальный корреспондент Крокодила

СОСУД ПАНДОРЫ

Что там ни говорите, а художественные достижения человеческого гения не всегда воспринимаются, так сказать, всухую. Некоторые наши сограждане без внутреннего подогрева своего воображения в искусстве ни бельмеса не понимают. Особенно трудно с наследием классиков, где частенько натыкаешься на аллегории и символы, на историческую или мифологическую подоплеку.

Возьмем хотя бы парковую скульптуру. У современных-то авторов еще кое-что понятно. Пионеры у них без всяких подоплек дудят в горны, гребцы томятся со своими веслами, упитанные дети неаллегорично сидят над раскрытыми книгами. Все понятно, — никаких тебе претензий. Да и то многие гуляющие перед осмотром этого нехитрого творчества подбадривают себя крепким напитком. Для духовного прозрения.

А что уж говорить, к примеру, о Петродворце, парки которого утыканы маловразумительной старинной скульптурой. Без подогрева здесь тоскливо и одиноко. Скульптуры стоят сами по себе, а ты ходишь сам по себе. И не чувствуется между вами никакой духовной связи. Но стоит припасть к горлышку, как связь налаживается. Утяжеляются конечности, и начинает казаться, что ты тоже отлит из бронзы; еще немного — и начнешь требовать, чтобы тебя позолотили.

Студент из Владивостока Виктор Томников, обучающийся в институте имени Куйбышева, столкнувшись в Петродворце с массовым скоплением незнакомых ему мифических фигур, поначалу оторопел. Все эти Данаиды, Олимпии и Фавны были глубоко чужды его современной натуре. Они стояли на своих пьедесталах и навевали скуку. А он, между прочим, покрыл огромное расстояние не в поисках тихой грусти. Ему хотелось громкой радости.

Радость оттягивала внутренний карман пиджака. Пилось в обстановке всеобщего фонтанирования легко и приятно. Статуи на глазах преображались. Олимпия, несчастная женщина, отданная на растерзание морскому чудовищу, жеманно склонила в сторону дальневосточного студента свою изящную головку. Мужеубийца Данаида, обреченная вечно наполнять водой бездонный сосуд, отвлеклась от своего бессмысленного занятия и тоже заинтересовалась приезжим студентом. Фавн, покровитель стад и пастухов, любезно предложил ему упитанного бронзового барашка на шашлык.

— Маруська, ты мне нравишься, — обратился Виктор к Данаиде, не подозревая о ее уголовном прошлом. — Слазь, говорю тебе, сюда! Брось, грю, брызгаться!

Язык его постепенно бронзовел, конечности набирали вес. Уснул он у ног мужеубийцы. На ней обольстительно искрилась позолота. На нем был черный пиджак и брюки в полоску.

Подбоченясь, сплетничали Римские фонтаны. Златокудрая Пандора, откупорившая из женского любопытства сосуд с несчастьями и пороками, возвышалась над Большим каскадом. Она хорошо видела пенсионера из Ленинграда Дмитрия Павловича Игнатьева. Опорожнив стеклотару, он сосредоточил свое внимание на скульптурной группе «Самсон, разрывающий пасть льва».

Самсон был в неглиже. Он демонстрировал свое атлетическое тело и рвал пасть льву-подростку.

На Игнатьеве был зеленый свитер, серые брюки и коричневые сандалеты. Несмотря на этот не совсем библейский наряд, Дмитрий Павлович ощутил прилив нездоровой зависти к Самсонову подвигу. Он огляделся в поисках льва, но увидел рыжего кота.

— Кис-кис,— обратился к нему Дмитрий Павлович.— Подь-ка сюда, шельмец...

Но кот был современный, не мифологический. Настигнуть беглеца Дмитрию Павловичу не удалось: он рухнул у фонтанов.

А где-то рядом Сирены завлекали на неверную стезю начальника жилищной конторы Стройтреста № 18 города Петродворца Виктора Поликарповича Клименко. Он выпил чуть-чуть лишку, и это позволило ему услышать пение бронзовых Сирен, чего другие посетители парка были лишены. Но вероломство сирен всем известно. Мало им погубленных моряков, так они теперь принялись за коммунальников. Упал Клименко на газон подле фонтанирующих Сирен.

Увы, спиртное помогло нашим героям наладить душевный контакт с героями мифическими. И в конце концов они сами уподобились статуям, хотя никакой культурной и исторической ценности из себя не представляли. Но опись на них все-таки составили. Не для музея, а для местного вытрезвителя.

г. Петродворец,
Ленинградской области.

Мих. РАСКАТОВ

Американцы покупают новый пистолет или револьвер каждые 13 секунд, а подержанный пистолет — каждые 30 секунд. Бывало, жена, разозлившись, бьет мужа скалкой, теперь она пускает в ход пистолет.

(Из журнала «Ридерс дайджест», США)

Вечер радовал поэтичностью.

В закопченном небе мерцали давно не чищенные созвездия; с улицы нежно тянуло ароматом выхлопных газов; где-то интригующе хлопали одиночные выстрелы...

Миссис и мистер Додсон стояли на пороге своей уютной квартиры и, сверкая полнозубыми улыбками, встречали гостей.

Глава семьи был в элегантном черном костюме. Белоснежную манишку красиво пересекал темный ремешок, на котором висела кобура с кольтом.

Миссис Додсон в своем лимонного цвета нейлоновом платье выглядела просто очаровательно. Небольшой автомат, небрежно наброшенный на левое плечо, подчеркивал стройность ее фигуры.

— Дорогая,— мурлыкали гости, чмокая миссис Додсон в нарумяненные щеки,— как ты хороша в этом автомате!

Хозяйка дома активно отвечала на чмоканья и тоже мурлыкала:

— Милая Бетти, тебе невероятно к лицу этот маузер!

— Джейн, радость моя, ты словно родилась с ручным пулеметом! Но не тяжеловат ли он?

— А что делать, дорогая? В наше ужасное время, когда гангстеры ходят косяками, страшно выйти на улицу без чего-нибудь многозарядного!

В гостиной, весело и непринужденно бряцая оружием, гости прихлебывали высокоградусные напитки.

Когда в дверях появилась юная красотка мисс Мэри Барч, дружный залп восторженных приветствий потряс воздух — на красотке тяжело переливалось ожерелье из ручных гранат, отделанных перламутром. Ожерелье тянуло шею к полу, но мисс Мэри держалась стойко.

Дверь гостиной тихо открылась, и в нее вполз еще один гость — мистер Стенли.

— Уже успел,— проворчала миссис Джейн.

— Ничего я не успел,— прошептал мистер Стенли, проворно заползая под тахту.— Но с тех пор, как месяц назад меня обстреляли в соседнем сквере, я предпочитаю вести ползучий образ жизни. А по улице езжу в танкетке с огнеметом.

— Где вы ее достали? — заинтересовалась красотка Мэри.

— О,— с гордостью произнес мистер Стенли, высовываясь из-под тахты,— танкетку мне устроил дядя: он торгует оружием на углу 172-й и 273-й улиц.

— Счастливец! — хором сказали гости.

— Да,— кивнул мистер Стенли,— такой дядя — настоящее счастье. Фирму «Джон У. Дав» знаете? Это он! Оружие — это вам не какие-нибудь овощи и фрукты. Оно не портится, его не ест жучок, для него не нужен холодильник, от него не расстраивается, пардон, пищеварение, и оно раскупается круглый год. Фирма «Джон У. Дав» процветает!

Неожиданно грянул выстрел. Одна из ламп в люстре с треском рассыпалась.

— Негодник! — крикнул мистер Додсон, хватая за руку пятнадцатилетнего Боба.— Ты мог разбить люстру!

— Не придирайся к ребенку,— строго сказала миссис Додсон и повернулась к гостям:— Мальчик купил пистолет в спортивном магазине. Всего 10 долларов, а сколько радости, право! Не говоря уж о том, что теперь мы спокойны за ребенка, когда он гуляет по вечерам: ведь на улицах полно грабителей!

— А вчера он даже сам принес два пальто и тридцать долларов наличными,— вставил мистер Додсон.

— Да, растут дети! — вздохнула миссис Джейн.

Додсон-младший побежал к двери, но зацепился ногой за чей-то ручной пулемет, упал и заревел нехорошим голосом.

— Боже мой! — испугалась миссис Додсон.— Он ушибся, бедненький! У моего крошки на лобике шишка!

Дрожащими руками она открыла домашнюю аптечку, достала из нее браунинг и приложила к ушибленному месту холодную рукоятку.

— Старый добрый браунинг,— пробормотал мистер Стенли под тахтой.— Были же времена!..

— Чепуха этот браунинг,— отрезала миссис Джейн.— Для чего он нужен в наши дни? Разве что для бесед с мужем. А выходить из дому надо с чем-нибудь потяжелее. Особенно в сумерках.

— Не знаю ничего лучше маузера,— самодовольно заявила миссис Бетти.— Разумеется, с оптическим прицелом.

— Ах, господа, какой, однако, парадокс века: чем больше пистолетов, тем меньше безопасности.

— Не скажите! Личное оружие — лучший залог личной безопасности!

— Замолчите! Если не смыслите в проблеме, не лезьте в спор!

— Это я не смыслю? Сейчас увидим! Да я одной пулей сшибу ваш лошадиный шиньон!

— Ах ты дрянь! Как врежу очередь, так живо придешь в себя, ведьма крашеная!

Возникла дружеская перестрелка накоротке. Миссис Бетти устроилась за сервантом... Мистер Стенли палил с колена... Хозяйка дома жарила короткими очередями разрывных пуль из стенного шкафа... Красотка Мэри бросила гранату... На улице гортанно кричал поздний прохожий — это юный Боб Додсон уже вышел погулять со своими приятелями.

Было шумно и смешно до слез.

И тогда из глубин квартиры показалась разбуженная теща. Она открыла кладовку и одним махом выкатила спаренный пулемет.

— Ложись, бандюги! — заорала теща и прошила гостиную кинжальным огнем.

— Я говорил, что надо ползать! — простонал мистер Стенли, прощаясь с этим светом.

За сервантом последний раз в жизни чихнула миссис Бетти. Красотка Мэри еще несколько минут реагировала на окружающее.

— И чтобы тихо! — гаркнула старая миссис.— Я спать хочу!

Вечеринка подходила к концу.

— И все-таки, Гарри, я почему-то боюсь, что мы не сможем спать спокойно!

Рисунок А. БАЖЕНОВА

ПАРАЛЛЕЛЬНО...

Рисунок И. СЫЧЕВА

АНТИОЛИМПИЙЦЫ С ШЕЛЛИНГШТРАССЕ

Такса — полезный охотничий пес. Это широко известный факт, к которому с пониманием относятся в самых узких кругах, даже там, где кинологию считают наукой о кинопрокате.

Но Вальди, Вальди, как тебе не повезло! Ты, симпатичный зверь, любимица спортсменов и болельщиков, мелькающая в витринах, оттиснувшая свой песий облик на разнообразном ширпотребе, ты, друг Олимпиады, подвергаешься гонениям, тебя обкладывают, словно волчью стаю...

Такса Вальди — символ и талисман XX Олимпийских игр — с опаской поглядывает на кучку хулиганов, бегущих по ее следу с коричневым мешком.

У предстоящей мюнхенской Олимпиады есть не только многочисленные друзья, но и горстка недругов. Задолго до выстрелов стартовых пистолетов на полях Олимпиады они открыли собственную «антиолимпиаду».

Против Олимпиады выступает сборная команда двух клубов — «Шовинист» и «Реваншист», вдохновляемая зычным тренером Францем Йозефом Штраусом. Немецкий публицист Курт Рюкман не без тонкости заметил: «Знамение судьбы в том, что сын мясника Франц Йозеф Штраус вырос в Мюнхене на Шеллингштрассе, 49, на той самой улице, где некогда в соседнем доме у фотографа Гофмана работал человек по имени Адольф Шикльгрубер».

Готовясь к летним стартам, воспитанники тренеров с Шеллингштрассе провели разминку еще во время зимних Олимпийских игр в Саппоро. Случилось это на матче между хоккейными командами Польши и ФРГ. Баварские лыжники и саночники, сидевшие на трибунах, дружно скандировали заранее подготовленные двустишия:

Вас волен вир хойте кохен?
Полише кнохен.
(«Что мы будем сегодня готовить?
Польские кости».)

Вас шмект унз гут?
Полише блут.
(«Что нам по вкусу? Польская кровь».)

Полен клайн,
Ду бист геген Дойчланд аух айн
швайн.
(«Маленькая Польша, против Германии ты свинья».)

Эта мерзость вызвала гневные комментарии на страницах печати Польши, ГДР и ФРГ. В частности, западногерманская газета «Франкфуртер альгемайне цайтунг» писала: «Если они (хулиганы) выразили настроения баварской общественности, то как можно верить заверениям, что Мюнхен будет надлежащим местом для Олимпийских игр?»

Без сомнения, широкая баварская общественность тут ни при чем. Обитатель дома № 49 по Шеллингштрассе — это ведь еще не вся Бавария...

Вероятно, в силу знаменательного соседства герра Штрауса и герра Шикльгрубера в Мюнхен порой завозят довольно странную литературу. Вот выпущенная франкфуртским издательством Маерца перепечатка из официального олимпийского альбома 1936 года. На обложке — фашистский орел со свастикой, внутри — большой портрет соседа Штрауса по улице Шеллингштрассе, а под ним — фашистский бред 1936 года: «Только немецкая нация — как ковчег мира среди рас и народов... Немецкий народ обрел своего вождя и гордо и уверенно шествует в круговороте событий. Среди темных туч запылало пламя и озарило для нас сказочную картину».

Сыгранным звеном в сборной врагов Олимпиады предстают молодчики из нацистской «Акцьон нойе рехте» («Акция новых прав»). Возглавляет любителей «новых прав» мюнхенский адвокат Пёльман. Возглавляет с пеной у рта: резиденция его — в мюнхенском Августинском пивном доме. Молодчики Пельмана мечтают взвести курок не только на таксу Вальди. А пока с обнаженными пивными кружками наперевес они готовят слет под названием «Европейский конгресс национальной молодежи», приуроченный к открытию Олимпиады в Мюнхене.

Подготовку к мюнхенской Олимпиаде черно-коричневые антиолимпийцы ведут по календарю. Уже с начала 1972 года в ФРГ по дешевке, почти задаром распространяется изданный миллионным тиражом «Молодежный календарь на 1972 год». Возможно, Фамусов был излишне категоричен, утверждая, что «все врут календари», но этот брешет безусловно. Все его 400 страниц заполнены злобными выпадами против социалистических стран — в первую очередь против СССР и Польши. Трубя в тевтонский рог, календарь призывает западногерманскую молодежь к провокационным выступлениям против олимпийских команд социалистических стран.

Правительство ФРГ принимает практические меры, чтобы антиолимпийцы остались вне игры. Будем надеяться, что эти меры окажутся успешными.

Ю. ДАРАХВЕЛИДЗЕ
И. МАРИНОВ

МИМОХОДОМ

Получив квартиру с ванной, приятно на прощание посидеть у разбитого корыта.

Ослов в басни частенько притягивают за уши.

Для мстительного человека склероз — благо.

Нежданный гость подобен аппетиту: он тоже приходит во время еды.

Дисциплина — одна для всех. Может, поэтому ее иногда и не хватает.

Ц. МЕЛАМЕД

Вадим ПОЛУЯН

СЕМЕЙНЫЙ АЛЬБОМ

Ездил папа в деканат,
чтоб декана доконать.
А беспечный сын Федул
пил, гулял и в вуз не дул.

* * *

Мамин принцип воспитанья:
поцелуй и воз питанья.
Помогает этот принцип
из детишек делать принцев.

* * *

Родители валились с ног:
Лишь встал бы на ноги сынок!
Надорвались, костьми легли.
А сыну было «тлидцать тли».

Юрий НИКОЛЬСКИЙ

ИТОГ

Под жизнью всей подведена черта,
А под чертою — ни черта!

г. Рига.

В. ИЛЛАРИОНОВ

МОЙ ДЯДЯ ПРОРАБ

Мой дядя самых честных правил:
Когда провел водопровод,
Людей и технику отправил
На место новых земработ.

Остались дядины следы:
Куда ни кинешь взоры —
Лишь ямы, полные воды,
Да земляные горы.

Сюда он больше ни ногой.
А зарывает пусть другой.

Сказать бы дяде прямо:
Не рой другому яму!

г. Вышний Волочек.

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

Новинка
в сливовом
соке 500 г.
0 р 63 к.

Ценник в магазине.
Прислал Н. Микита, г. Челябинск.

«С каждым часом наступившая весна присваивает все больше и больше прав на жизнь хлеборобов и животноводов».

Газета «Искра», Чучковский район, Рязанской области.

«Вопрос, с которым я обращаюсь к вам, имеет бороду в возрасте шести лет».

(Из заявления).

Прислала С. Новикова, г. Свердловск.

«Опоздал на работу из-за рубля. Утром отдавал жене получку. Один рубль упал на пол, а жена не заметила. Я придавил его ногой, чтобы поднять, когда жена отойдет. А она все ходит и ходит около меня. Смотрю на часы: без пяти девять. Решил ждать до победного конца. Когда я завладел рублем, шел уже десятый час».

(Из объяснительной).

Выписал Ю. Ногин, пос. Подосиновец, Кировской области.

«Наименование груза: консервированная продукция (соки фруктовые с проводником в стеклобанке). Загружено до полной вместимости».

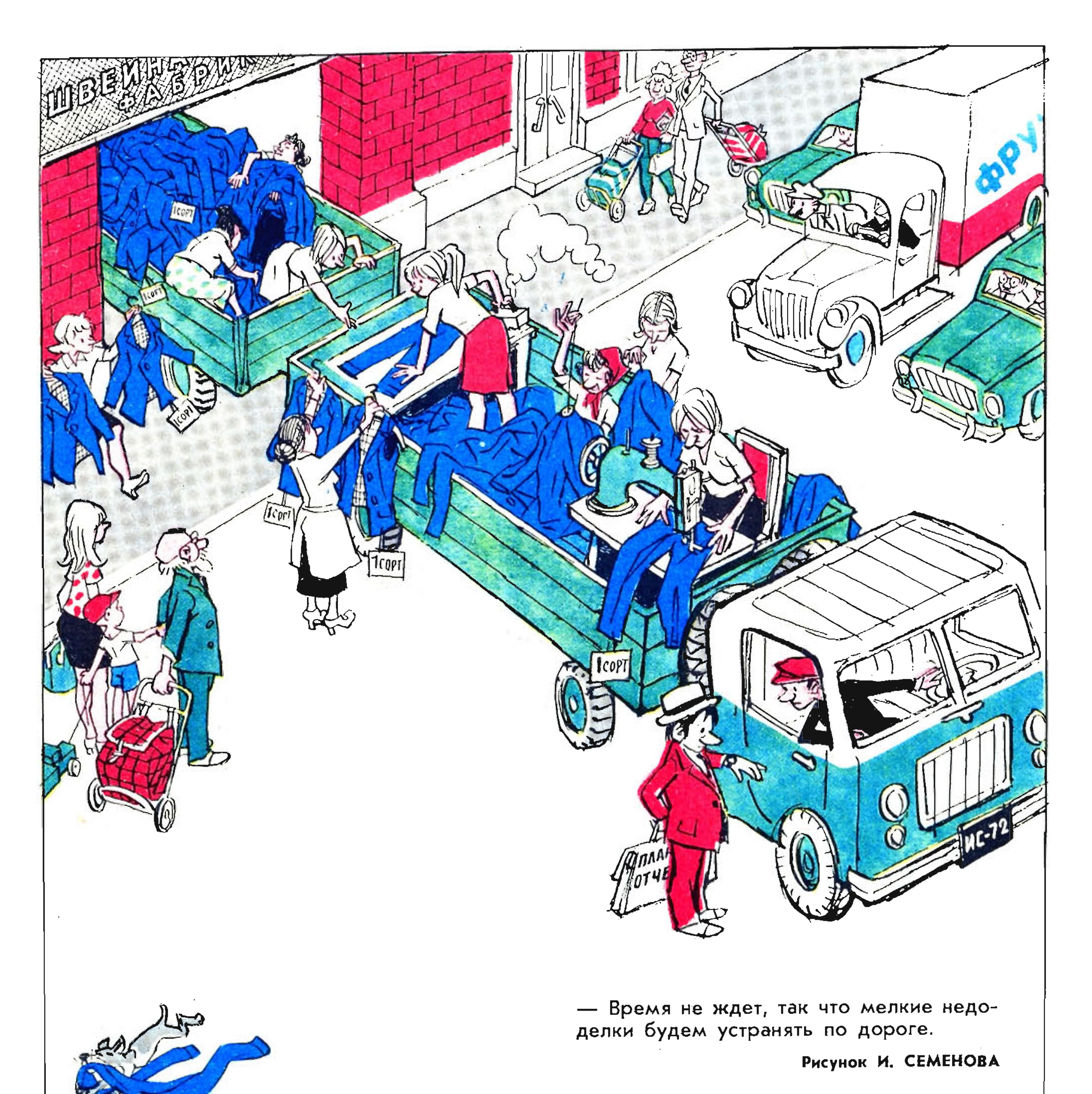
(Из накладной).
Прислала В. Гренц, пос. Полуночное, Свердловской области.

«У молодых, стройных женщин в настоящее время все большую популярность завоевывает комплект с брюками. Немало женщин в комплектах с брюками можно увидеть в концертных и театральных залах».

Газета «Заполярье», г. Воркута.

Фото И. Воронова, г. Невельск.

— Время не ждет, так что мелкие недоделки будем устранять по дороге.

Рисунок И. СЕМЕНОВА

ДЕТЕНЫШ НА КОМИССИИ

Дорогой «Крокодил»! Я обратилась в Управление государственного страхования по г. Москве с просьбой выплатить страховую сумму моему сыну (он сломал руку).

Вот какой я получила ответ:

«Гр. Брагинской А. И.

Управление государственного страхования по гор. Москве извещает Вас о том, что ваш детеныш назначен на врачебную комиссию 31 мая 1972 г. на 17—17.30 со свид. о рожд.».

К сведению автора этого уведомления хочу сообщить, что детеныши бывают, например, у кенгуру. А у людей — дети.

А. БРАГИНСКАЯ

Мусорные книжки

В городе Ярцеве, Смоленской области, руководители жилищно строительного кооператива «Октябрь» вдруг стали проявлять нежнейшую заботу о своих жильцах.

Приходит недавно к жильцу Григорию Кулешову представительница кооператива. Посмотрела, как он заполняет квитанции на оплату за квартиру, и говорит:

— Молодец! Правильно ведете домашнее делопроизводство, но вот вам еще две книжки. Одна называется мусорной, а другая — подвальной. В первой вы должны заполнять бланки оплаты за уборку мусора на лестничной клетке, а во второй — за подвал, которым пользуетесь.

Вскоре эта дама опять нанесла визит Кулешову и подарила еще три книжки с поэтическими названиями: «Канализационная книжка», «Книжка чистой воды» и «Отопительная книжка».

Григорий Васильевич после этого только и делал, что заполнял листки мусорной и прочих книг. Трудился он прилежно. Но и за несколько часов едва управлялся с делом. А потом еще требовалось обежать шесть расчетных касс, которые находились в разных концах города.

...Однажды возвращался Кулешов с тяжелого похода да и завернул в горсовет.

— Поймите,— горячо начал доказывать он там, вместе с появлением мусорных книжек в каждой квартире возросло количество бумажного мусора!..

— Ну и что? — только и сказали ему в ответ.— И в других домоуправлениях тоже завели разные книжки. Пусть себе проявляют инициативу!

И. СТОЛЯРОВ

НЕЗВАНЫЕ ГОСТИ

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА

Шифровка

Сперва, говорят, пришла телеграмма: «Сердечно поздравляем знаменательным юбилеем. Тысяча поцелуев. Подробности письмом. Комитет уполномоченных ДРСЧКНСДС-58».

Это было загадочно. Тем более, что никто не собирался праздновать юбилей, и самые блистательные кроссвордисты управления не могли разгадать, что это за таинственный комитет.

Потом, говорят, прибыло письмо. На обложке ученической тетради с трогательным старанием было выведено: «Заместителю начальника Птицепрома РСФСР Н. П. Леонову». Под этим красовалась живописно нарисованная развалюха в глухой чащобе вопросительных и восклицательных знаков с разъясняющей надписью:

«Избушка там на курьих ножках
Стоит без окон, без дверей,
Там чудеса, товарищ Леонов,
Там леший бродит — честное комсомольское!»

А еще ниже следовал обратный адрес: Приморский край, Анучинский район, село Чернышевка, птицесовхоз «Пионер».

Долго, говорят, ломали головы в Птицепроме над этим ДРСЧ... и так далее, но потом все же догадались: Дети, Родившиеся в Селе Чернышевка, Когда Началось Строительство Детского Сада — в 1958 году. Оказывается, они жаловались... Видите ли, авторам письма уже чуть ли не по двадцать лет, а детский сад все еще не построен.

Говорят, когда в Птицепроме расшифровали телеграмму, своды здания потряс хохот. Юмор там понимают...

С. РЫЖАК

Уважаемые!

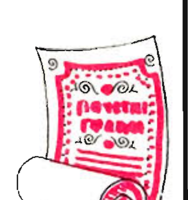
Руководство Тымовского паровозовагонного депо к последнему Первомаю мой труд Почетной грамотой отметило. Мне бы, как полагается, радоваться, благодарить, а я не радуюсь и не благодарю.

И все из-за мелочи. Из-за того, что через грамоту красным по желтому напечатано: «51 год Великого Октября» и дата в конце текста проставлена: «5 ноября 1968 года».

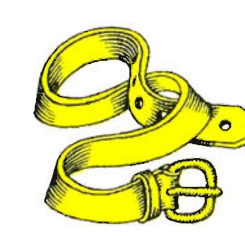
Где пролежала Почетная грамота почти четыре года, мне неведомо. Определенно другое: к такой награде сердце никак не лежит.

П. ЗУДИН, машинист парового крана.

ст. Тымовск, Сахалинской области.

ФИЗКУЛЬТУРА И ЖИЗНЬ

Я обращаюсь к преподавателю утренней гимнастики по радио товарищу Гордееву. По-моему, извините, вы совсем оторвались от реальной жизни. Послушайте, что вы говорите по радио:

«Некоторые упражнения мы будем выполнять с **полотенцем**... Возьмите в руки **полотенце** за концы... **Полотенце** вверху натянуть... **Полотенце** переведите вперед и сложите вдвое... **Полотенце** сложите вчетверо... Передайте **полотенце** под ногой вперед... **Полотенце** распустите во всю длину и возьмите за концы... Снова, товарищи, возьмите в руки **полотенце!..** Обтереть тело влажным **полотенцем...** После этого необходимо растереть тело сухим **полотенцем** до появления приятной теплоты!..»

Товарищ Гордеев, миленький! Войдите в положение. Придумайте что-нибудь другое. Для вашей зарядки нужны целых три **полотенца.** А у нас в Иркутске можно бегать по магазинам не только «до появления приятной теплоты», но и до седьмого пота — ни одного **полотенца** не сыщешь.

Ну, **полотенце** для упражнений можно заменить поясным ремнем или просто веревочкой. А вот как тем же ремнем влажно и насухо растереться?..

Жду, товарищ Гордеев, ответа. На вас теперь вся надежда...

А. АРТЕМЕНКО
г. Иркутск.

РАЗНОТОЛКИ

Как там ни химичь, а при виноделии все равно бывают отходы.

И при перекачке нефти некоторые утечки тоже случаются.

И они действительно губительно влияют даже на растительный мир.

Но в этом последнем вопросе случились разнотолки. В Ростове-на-Дону.

Там на окраине города рядом с коллективными садами вот уже который год соседствуют винный завод и нефтеперекачивающая станция. И не как-нибудь соседствуют, а сливают свои отходы прямо в почву. Да так, что в разные руководящие инстанции текут от садоводов письменные жалобы. Да так, что директора перекачивающей станции Хохлова однажды даже оштрафовали на пятьдесят рублей.

Ну вот и вышли от этого разнотолки. Директор Хохлов на жалобщиков обиделся: какой же вред от его отходов, если и после штрафа разный там фрукт тем не менее продолжает произрастать!

И директору винзавода Сисошвили жалобщики тоже не понравились: уж раз на то пошло, так сады, может, до сих пор не засохли как раз благодаря тонизирующему действию ручейков, бегущих с его завода.

Так и дают полную свободу отходам своих предприятий оба эти командира производства.

О. АШДВА

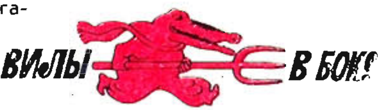
ПЕЧАЛЬНАЯ РЕЛИКВИЯ

Многое повидал за свои 11 долгих веков древний город Полоцк. Немало реликвий напоминает здесь о славных событиях в его истории. Например, вот эта.

Доска, установленная здесь же, гласит: «Через этот мост русские войска под командованием генерала Витгенштейна и петербургские ополченцы 6—7 (18—19) октября 1812 года после ожесточенных боев вошли в город и освободили его от неприятеля, чем положили начало изгнанию армии Наполеона с белорусской земли».

Прочитает надпись добрый молодец — пригорюнится, прочитает стар человек — запечалится, прочитает красна девица — слезу смахнет. И не только скорбя по героям... Дело в том, что сразу же за мостом находятся предприятия, учреждения и учебные заведения, но давно уже не может ступить на мост нога человеческая. Приходится половчанам давать кругаля в четыре километра, поминая при этом всякими словами отцов города.

Л. ЖЕСТКОВА.
Фото К. Жерносек.

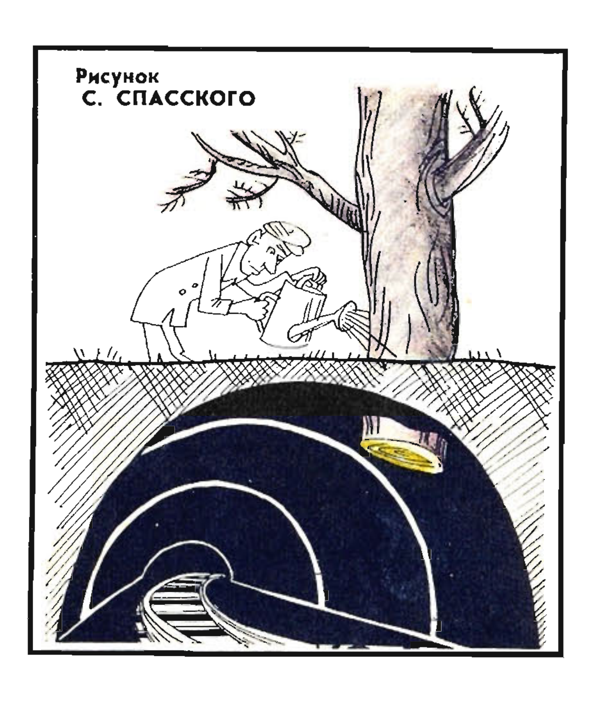
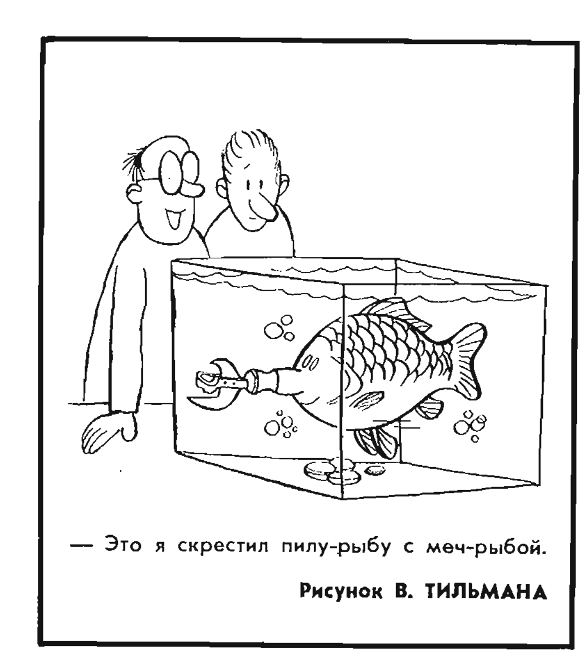

Рисунок С. СПАССКОГО

— Это я скрестил пилу-рыбу с меч-рыбой.

Рисунок В. ТИЛЬМАНА

Н. КВИТКО, специальный корреспондент Крокодила

Муки контрабандиста

Трудно нынче заниматься контрабандой. Интерес не тот. И никакой романтики. То ли дело раньше... Ночь, мрак, штормовая волна, а фелюга через все Черное море идет. Жуть! Придет на место, товар в катакомбы, и прямо с берега через подземный ход — во дворец графа Потоцкого... Мороз по коже!..

А теперь? Ни тебе катакомб, ни графа Потоцкого. О фелюге тоже говорить нечего. Кто теперь на ней в дальнее плавание ходит, когда кругом океанские лайнеры с плавательными бассейнами, музыкальными салонами и прочим сервисом!

И таможенники опять же не те, что гнались за контрабандистом с гиканьем и улюлюканьем. Нынешние больше молчат, но зато просвечивают насквозь. И еще. Поди угадай, чего привезти, чтобы выгоднее сбыть. Причем не оптом, как раньше, а разбросать по комиссионкам, а то и по домам понести. Морока, суета.

Но все же, если очень соблазняет перспектива поднажиться, так крутишься, конечно, изворачиваешься, рискуешь. Первое дело — определяешь, что нынче в моде. Например, сейчас в цене парча и другие кремплины-гипюры, но только чтоб с люрексом, то есть, чтоб блестели. Люрекс, он сильно бьет по женскому самолюбию. Красиво — спасу нет. И спрос подходящий. Вот и пользуешься, как говорится, данной конъюнктурой с учетом экономического коэффициента. Чем больше прихватишь, тем выгоднее.

Гражданину Жуликову Д. Г., который возвращался из заграничной командировки, парча приглянулась. Белая и цветная и, само собой, блестящая. А чтоб по всем правилам контрабанды было, приспособил он полтораста метров в виде покрывал и занавесок. Завершив заграничную командировку, сшил те покрывала в два слоя на живую нитку, погрузился на лайнер и решил: порядок! Только, как говорится, маху дал, не учел деталей. Нитку в таможне дернули, отрезы и развернулись во всей своей первозданной красе. И пришлось гражданину Жуликову (и фамилия, как видите, подходящая!) речь держать.

— Так, мол, и так,— говорит,— поскольку по линии моей жены и по линии меня имеется большое количество родственников, хотел всем скромные подарки сделать на сумму две тысячи восемьсот девяносто четыре рубля.

Очень искренний гражданин оказался, но слезу умиления из таможенников все-таки не выжал.

А вот инженер-энергетик из Москвы М. М. Роганов, тоже командированный, на родственников не ссылался. Он на создание уюта нажимал.

— Это,— говорит,— у меня не для прекрасного пола, это у меня портьеры для интерьера: двадцать из парчи, девять из нейлона с люрексом. Видите, бахромой с трех сторон обшиты.

Сказал,— и так гордо посмотрел на инспектора таможни.

А тот ему:

— Сколько же, разрешите узнать, гражданин эстет, в вашем персональном замке дверей имеется, на которые нужно вешать портьеры из парчи и нейлона?

Тут М. М. Роганов и спасовал. А что ему оставалось делать, если налицо было ровно 420 метров тканей, а в личных апартаментах оказалось только четыре двери и среди них одна от туалета!

Есть, правда, некоторые более сообразительные на разные фокусы. Ткань эту с заветным люрексом даже не в два слоя, как Д. Жуликов, а вчетверо сшивают. Но и такое не проходит. В числе других на этом бесславно погорел А. М. Дорошев из г. Тольятти.

— Извините, простите,— сказал он,— не знал я, что двадцать три десятиметровых отрезов провезти нельзя.

— А зачем вчетверо сшили их?

— Исключительно по личной неопытности. Подвел меня этот люрекс, будь он неладен! Блестит, совсем ослепил!

Но, по всей видимости, виноват был не только люрекс. Неладно было с совестью. Это она, ущербная, потускнела, как только заблестела заветная ткань.

Москвичка С. Е. Бунина, возвращаясь от мужа, находящегося в командировке, решила, что не так уж много везет драгоценной ткани — всего каких-нибудь двести с лишним метров. Правда, у нее было еще несколько килограммов мохера, занавеси, халаты стеганые, платки опять же с люрексом, сервизы, полторы сотни сложных шариковых ручек и еще многое, упакованное в трех тюках. Тут надо было пораскинуть мозгами, чтобы сообразить, куда и как. Тут на живую нитку или там на бахрому надеяться не приходилось. Думала-гадала и нашла выход. Узнала, где дипломатический багаж лежит, и тайком туда свои тюки подбросила.

— Я это сделала совершенно нечаянно,— заявила в таможне любительница мануфактуры.— Больше никогда, никогда не буду.

Это уж точно! Ни она, ни те, другие, которые решили побаловаться модными тканями и прочим барахлишком, больше не будут. Никогда. И другим не посоветуют.

Потому что очень трудно нынче с контрабандой. Никакой тебе романтики, одни неприятности...

г. Одесса.

— Что это с нашим инструктором по туризму?

— А он раньше массовиком работал.

Рисунок Г. ОГОРОДНИКОВА

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

Фрау Крюгер в хорошем настроении.

— Эгон,— говорит она, когда муж приходит с работы,— сегодня вечером можешь сходить в кафе.

— А я не хочу,— бормочет Эгон.

— Почему же?

— Почему? Должен же я когда-нибудь проявить свою волю!

●

— Идиоты! Упустили преступника прямо из-под носа! — кричит инспектор Браун.— Разве вы не перекрыли все выходы из кино, как я приказал?

— Мы перекрыли, сэр, но, по-видимому, этот тип удрал через вход,— ответил сержант.

●

У священника украли в гостинице две библии. Обнаружив пропажу, он радостно воскликнул:

— Слава всевышнему! Если еще воруют библии, значит, религия не умерла!

●

— Одна старая дева портит мне жизнь. Когда я останавливаю машину возле бара, она немедленно бежит по поселку и кричит, что я снова напился. Так я приобрел славу горького пьяницы. Как мне быть?

— Каждую ночь оставляйте машину возле ее дома, и пусть люди говорят, что им заблагорассудится.

М. ГУРСЭД (Монголия)

ТРАДИЦИИ

Дамча получил новую квартиру и пригласил на новоселье своего друга Довдона. Вечером он сам приехал за ним на собственной «шкоде». Минут через пятнадцать—двадцать они остановились у подъезда нового дома в новом квартале города. Дамча показал другу квартиру и предложил угощение. За столом разговорились.

— Хорошая квартира,— говорил хозяин,— только вот беда, кое-что надо будет переделать, переиначить. Ничего не поделаешь,— традиция,— пояснил он свою мысль.— Так что, если можешь, пришли мне трех рабочих.

— Трех рабочих? — удивился Довдон.— А не собираешься ли ты дом строить заново?

— Заново не заново, а кое-что придется сделать,— вздохнул хозяин.— Во-первых, врезать два-три дополнительных замка в двери. Во-вторых, соорудить на балконе маленький домик, будет у нас тогда свой курятник. А потом мы привыкли закрывать окна на ночь ставнями — придется их сколотить. И конуру в коридоре для нашей собачонки надо поставить. А то во дворе соседские мальчишки не дают псу покоя.

Тут Домчу прервала жена.

— В комнатах тоже потребуются кое-какие переделки. Я не могу сомкнуть глаз, если перед кроватью нет занавески. Вообще традиция у нас такая. Пусть сделают стояки, укрепят балку и повесят кольца для занавески. А то за три ночи, что я провела в новой квартире, просто измучилась. Все время просыпалась от ощущения, будто кто-то на меня смотрит...

Через несколько дней новая квартира Дамчи украсилась десятками загородок и перегородок, ставнями, курятником, а также конурой.

— Ну, хозяйка, превращение квартиры в землянку, согласно вашей воле, можно считать законченным. Так что я пойду,— сказал, усмехнувшись, плотник.

— Спасибо, большое спасибо! Если что надо будет переделать, я сообщу вам,— сказала на прощание хозяйка.

— С удовольствием приду,— пообещал плотник.

И ему пришлось прийти, когда вернулась из Улан-Батора с учебы дочь хозяина и велела плотнику сломать все, что он нагородил.

— Что ты делаешь! — кричала мать на свою дочь.— Ты разрушаешь вековые традиции!

— Ничего, мама,— успокаивала ее дочь.— Привыкай жить иначе, отвыкай от загородок. Теперь новые традиции.

— Браво! Особенно мне понравилось хладнокровие, с которым ты парировал его удар своим левым глазом.

«Штерн», ФРГ.

●

Во время воинских маневров было объявлено, что мост условно «взорван». Поставленный у моста часовой не пропускает по этой причине через него пожилую даму. Та, разозлившись, поворачивается к другому солдату и говорит:

— Но ведь мост абсолютно целый! А этот сумасшедший утверждает, что он взорван!

— Не могу ничего сказать! Я сам уже два дня как убит!

По улице идет изрядно подвыпивший господин и обращается к проходящей мимо девушке:

— Скажите, мадемуазель, сколько у меня на лбу шишек?

— Три,— испуганно отвечает девушка.

— Благодарю вас,— пробормотал пьяный,— значит, до дома мне осталось еще пять фонарных столбов...

●

Человек, попавший в автомобильную катастрофу, два дня был без сознания. Придя в себя, он открыл глаза и пробормотал:

— Я в раю?

— Нет, дорогой, я подле тебя,— ответила жена.

●

Владелец ресторана обращается к официанткам:

— Сегодня вы должны быть особенно вежливыми.

— К нам придет какая-нибудь важная особа? — поинтересовались девушки.

— Нет,— ответил хозяин.— Сегодня у нас очень жесткое мясо.

●

В бюро найма рабочей силы обращается безработный с просьбой о приеме на фабрику.

— Какая у вас профессия? — спрашивает директор бюро.

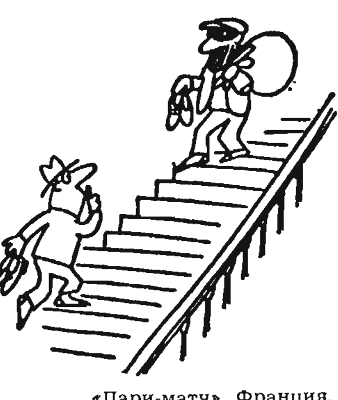
— Я композитор.

— Вы нам подходите! У нас есть аккордная работа.

— «Повысьте зарплату, повысьте зарплату!» Мне надоело слышать это от вас каждые пять лет!

«Се», Швеция.

«Пари-матч», Франция.

— Знаю, дорогая, что уже шесть часов утра, но этот дом уже не наш...

«Пост», США.

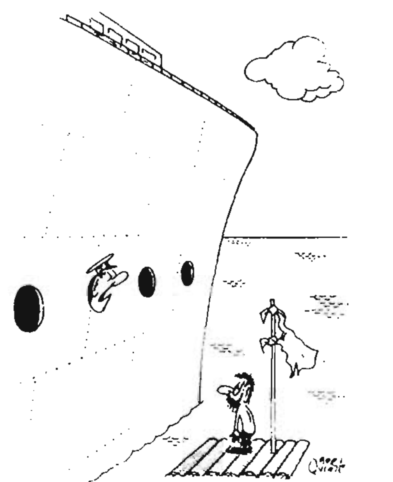
— Прекрасная вещь телевизор! Мне удалось связать столько вещей...

«Ди прессе», Австрия.

— Никакого искусственного дыхания! Мой муж любит все натуральное.

«Уикэид», Аиглия.

— Простите, но без галстука принять вас на борт мы не можем.

«Билледбладет», Дания.

Дьердь МИКЕШ (Венгрия)

ЛЮБИТЕЛЬСКИЕ ФИЛЬМЫ

1

Когда я вошел в подъезд, я сразу почувствовал какой-то странный запах. «Похоже на хлороформ»,— подумал я. В следующее мгновение на лицо мне накинули влажную тряпку, и я потерял сознание.

2

— Проснулись? — нетерпеливо спросил мужской голос, когда я пришел в себя. Я увидел, что сижу в кресле в квартире у Ковачей. Передо мной, рядом со мной и позади меня на скамьях, табуретках и стульях сидели мужчины и женщины, обреченно уставившись на небольшой экран, висевший на стене.

— Что такое? Что здесь происходит? — нервно вскричал я.— Что вы от меня хотите?

— Мы счастливы пригласить вас на премьеру нашего любительского фильма. Мы с женой сняли его в Дубровнике во время отпуска.

3

И тогда я вспомнил: Ковач уже много раз зазывал меня посмотреть его кинопродукцию, но я всегда находил отговорки. Что делать: терпеть не могу эти дурацкие фильмы...

4

На экране мы увидели Ковача в море, его жену на берегу моря, Ковача на улице, его жену на улице, Ковача в кемпинге, его жену в кемпинге...

Через полчаса кто-то вдруг громко закричал. Проектор перестал стрекотать. Послышался грохот опрокидываемых стульев.

— Никто не должен оставлять помещения! — прогремел мужской голос. Немного погодя зажегся свет.

Связанный хозяин с носовым платком во рту валялся на полу.

5

— Всем оставаться на местах! — прорычал незнакомый интеллигентного вида мужчина и достал из-за пазухи моток кинопленки. — Продолжаем сеанс. Я покажу вам фильм о нашем пребывании в Праге. Главные исполнители: моя жена, мой сын, моя невестка, наша соседка, мой внук и ваш покорный слуга.

На экране вдруг появилось озеро Балатон.

— Предательство! - истерично взвизгнул интеллигентный мужчина.— Это не наш фильм!

6

— Да,— густым басом сказал бородач, когда зажегся свет.— Этот фильм снял я на Балатоне.

Создатель пражского фильма лежал на полу без сознания. Его сбили. Жена, рыдая, склонилась над ним.

— Никому не двигаться с места! — приказал бородатый.— Продолжаем! Я снял еще три пленки на Златых Пясцах в Болгарии! — И он достал из портфеля три круглых пластмассовых коробочки с пленками.

Однако продолжения не последовало. Кто-то отключил электричество. Началась паника.

7

— Спасайтесь! — шепнул мне на ухо женский голос.— Дверь слева. Я знаю все выходы. Дайте руку!

Спотыкаясь, мы выбрались из квартиры.

8

Женщина была очень хорошенькой. Потрясающе хорошенькой! И все еще держала меня за руку. Я чувствовал, как сердце вот-вот выпрыгнет у меня из груди. Она приложила палец к губам и повела меня за собой...

Я сжал ее руку и последовал за ней. На цыпочках.

9

Она ввела меня в комнату, зажгла свет и закрыла дверь на ключ.

— Вы живете одна? — спросил я.

— Совершенно одна. Я ужасно одинока.

— Я тоже,— с готовностью признался я.

Она погасила свет и жарко зашептала:

— У меня единственная страсть — путешествия... Недавно я вернулась из Румынии. Я сняла там очень интересный фи...

10

К счастью, она жила на втором этаже, и перелом бедра у меня был очень легкий...

КРОКОДИЛ

№ 21 (2031)

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

Темы рисунков этого номера придумали: А. Баженов, М. Вайсборд, В. Владов, П. Гейвандов (г. Душанбе), А. Грунин, Ю. Ерофеев, В. Жаринов, Н. Корягин, В. Мохов, М. Скобелев, И. Сычев, В. Тильман, Ю. Черепанов.

Главный редактор
М. Г. СЕМЕНОВ

Редакционная коллегия:
М. Э. ВИЛЕНСКИЙ
А. Е. ВИХРЕВ
(зам. главного редактора)
Е. П. ДУБРОВИН
Б. А. ЕГОРОВ
Б. Е. ЕФИМОВ
Г. О. МАРЧИК
(ответственный секретарь)
И. М. СЕМЕНОВ
С. В. СМИРНОВ
А. А. СУКОНЦЕВ
А. И. ХОДАНОВ
Е. А. ШУКАЕВ
(художественный редактор)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Технический редактор
А. В. КОТЕЛЬНИКОВА

Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 10/VII 1972 г. А 08566. Подписано к печати 19/VII 1972 г. Формат бумаги 70×108 1/8. Объем 2,80 усл. печ. л. 4,54 уч.-изд. л.

Фотоформы изготовлены в ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типографии газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва А-47, ул. Правды, 24. Отпечатано в типографии «Уральский рабочий», г. Свердловск, пр. Ленина, 49.

Тираж 5 050 000 (5 завод 4 263 301—5 050 000) заказ № 1382

Цена номера 15 коп.
Индекс 70448

Художественные сокровища Западной Европы непрерывным потоком уходят за океан.

ИЗ РОДНЫХ ГНЕЗД

Рисунок М. СКОБЕЛЕВА